

С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

Гилберт Кийт Честертон

Рассказы об отце Брауне

ПАЛЬМИРА

Гилберт Кит Честертон
Рассказы об отце Брауне

«РИПОЛ Классик»

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

Честертон Г.

Рассказы об отце Брауне / Г. Честертон — «РИПОЛ Классик»,

ISBN 978-5-52-100071-5

Рассказы об отце Брауне – самая известная часть литературного наследия английского писателя и мыслителя Гилберта Кийта Честертон. В этот том вошли лучшие рассказы о знаменитом сыщике-интеллектуале.

УДК 82/89
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-52-100071-5

© Честертон Г.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Из сборника	6
Сапфировый крест	6
Сокровенный сад	15
Странные шаги	29
Невидимка	40
Молот господень	50
Око Аполлона	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Гилберт Кийт Честертон

Собрание сочинений в 5 томах

Том 3

© Алексеева Е., Грабарь Е., Ибрагимов А., Короткова Е., Красовицкий С., Кудрявицкий А., Ливергант А., Муравьев В., наследники, Стенич В., Стрешнев И., Сумм Л., Чепайтис Т., перевод на русский язык, 2017

© Трауберг Н., наследники, перевод на русский язык, составление, 2017

© Петровский И., наследники, примечания, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», ПАО «Т8 Издательские Технологии», 2017

Из сборника **Неведение отца Брауна**

Сапфировый крест

Между серебряной лентой утреннего неба и зеленой блестящей лентой моря пароход причалил к берегу Англии и выпустил на сушу темный рой людей. Тот, за кем мы последуем, не выделялся из них – он и не хотел выделяться. Ничто в нем не привлекало внимания; разве что праздничное щегольство костюма не совсем вязалось с деловой озабоченностью взгляда. Легкий серый сюртук, белый жилет и серебристая соломенная шляпа с серо-голубой лентой подчеркивали смуглый цвет его лица и черноту эспаньолки, которой больше бы пристали брыжи елизаветинских времен. Приезжий курил сигару с серьезностью бездельника. Никто бы не подумал, что под серым сюртуком – заряженный револьвер, под белым жилетом – удостоверение сыщика, а под соломенной шляпой – умнейшая голова Европы. Это был сам Валантэн, глава парижского сыска, величайший детектив мира. А приехал он из Брюсселя, чтобы изловить величайшего преступника эпохи.

Фламбо был в Англии. Полиция трех стран наконец выследила его, от Гента до Брюсселя, от Брюсселя до Хук ван Холланда, и решила, что он поедет в Лондон, – туда съехались в те дни католические священники, и легче было затеряться в сутолоке приезжих. Валантэн не знал еще, кем он прикинется – мелкой церковной сошкой или секретарем епископа; никто ничего не знал, когда дело касалось Фламбо.

Прошло много лет с тех пор, как этот гений воровства перестал будоражить мир и, как говорили после смерти Роланда, на земле воцарилась тишина. Но в лучшие (то есть в худшие) дни Фламбо был известен не меньше, чем кайзер. Чуть не каждое утро газеты сообщали, что он избежал расплаты за преступление, совершив новое, еще похлеще. Он был гасконец, очень высокий, сильный и смелый. Об его великанских шутках рассказывали легенды: однажды он поставил на голову следователя, чтобы «прочистить ему мозги»; другой раз пробежал по Рю де Риволи с двумя полицейскими под мышкой. К его чести, он пользовался своей силой только для таких бескровных, хотя и унижающих жертву дел. Он никогда не убивал – он только крал, изобретательно и с размахом. Каждую из его краж можно было счесть новым грехом и сделать темой рассказа. Это он основал в Лондоне знаменитую фирму «Тирольское молоко», у которой не было ни коров, ни доярок, ни бидонов, ни молока, зато были тысячи клиентов; обслуживал он их очень просто: переставлял к их дверям чужие бидоны. Большей частью аферы его были обезоруживающе просты. Говорят, он перекрасил ночью номера домов на целой улице, чтобы заманить кого-то в ловушку. Именно он изобрел портативный почтовый ящик, который вешал в тихих предместьях, надеясь, что кто-нибудь забредет туда и бросит в ящик посылку или деньги. Он был великолепным акробатом; несмотря на свой рост, он прыгал, как кузнечик, и лазал по деревьям не хуже обезьяны. Вот почему, выйдя в погоню за ним, Валантэн прекрасно понимал, что в данном случае найти преступника – еще далеко не все.

Но как его хотя бы найти? Об этом и думал теперь прославленный сыщик.

Фламбо маскировался ловко, но одного он скрыть не мог – своего огромного роста. Если бы меткий взгляд Валантэна остановился на высокой зеленщице, бравом гренадере или даже статной герцогине, он задержал бы их немедленно. Но все, кто попадался ему на пути, походили на переодетого Фламбо не больше, чем кошка – на переодетую жирафу. На пароходе он всех изучил; в поезде же с ним ехали только шестеро: коренастый путеец, направлявшийся в Лондон; три невысоких огородника, севших на третьей станции; миниатюрная вдова из эссекского

местечка и совсем низенький священник из эссекской деревни. Дойдя до него, сыщик махнул рукой и чуть не рассмеялся. Маленький священник воплощал самую суть этих скучных мест: глаза его были бесцветны, как Северное море, а при взгляде на его лицо вспоминалось, что жителей Норфолка зовут клецками. Он никак не мог управиться с какими-то пакетами. Конечно, церковный съезд пробудил от сельской спячки немало священников, слепых и беспомощных, как выманенный из земли крот. Валантэн, истый француз, был суровый скептик и не любил попов. Однако он их жалел, а этого пожалел бы всякий. Его большой старый зонт то и дело падал; он явно не знал, что делать с билетом, и простодушно до глупости объяснял всем и каждому, что должен держать ухо востро, потому что везет «настоящую серебряную вещь с синими камушками». Забавная смесь деревенской бесцветности со святой простотой потешала сыщика всю дорогу; когда же священник с грехом пополам собрал пакеты, вышел и тут же вернулся за зонтиком, Валантэн от души посоветовал ему помолчать о серебре, если он хочет его уберечь. Но с кем бы Валантэн ни говорил, он искал взглядом другого человека – в бедном ли платье, в богатом ли, в женском или мужском, только не ниже шести футов. В знаменитом преступнике было шесть футов четыре дюйма.

Как бы то ни было, вступая на Ливерпул-стрит, он был уверен, что не упустил вора. Он зашел в Скотленд-Ярд, назвал свое имя и договорился о помощи, если она ему понадобится, потом закурил новую сигару и отправился бродить по Лондону. Плутая по улочкам и площадям к северу от станции Виктория, он вдруг остановился. Площадь – небольшая и чистая – поражала внезапной тишиной; есть в Лондоне такие укромные уголки. Строгие дома, окружавшие ее, дышали достатком, но казалось, что в них никто не живет; а в центре – одиноко, словно остров в Тихом океане, – зеленел усаженный кустами газон. С одной стороны дома были выше, словно помост в конце зала, и ровный их ряд, внезапно и очень по-лондонски, разбивала витрина ресторана. Этот ресторан как будто бы забрел сюда из Сохо; все привлекало в нем – и деревья в кадках, и белые в лимонную полоску шторы. Дом был по-лондонски узкий, вход находился очень высоко, и ступеньки поднимались круто, словно пожарная лестница. Валантэн остановился, закурил и долго глядел на полосатые шторы.

Самое странное в чудесах то, что они случаются. Облачка собираются вместе в неповторимый рисунок человеческого глаза. Дерево изгибается вопросительным знаком как раз тогда, когда вы не знаете, как вам быть. И то и другое я видел на днях. Нельсон гибнет в миг победы, а некий Уильямс убивает случайно Уильямсона (похоже на сыноубийство!). Короче говоря, в жизни, как и в сказках, бывают совпадения, но прозаические люди не принимают их в расчет. Как заметил некогда Эдгар По, мудрость должна полагаться на непредвиденное.

Аристид Валантэн был истый француз, а французский ум – это ум, и ничего больше. Он не был «мыслящей машиной»; ведь эти слова – неумное порождение нашего бескрылого фатализма: машина потому и машина, что не умеет мыслить. Он был мыслящим человеком, и мыслил он здраво и трезво. Своими похожими на колдовство победами он был обязан тяжелому труду, простой и ясной французской мысли. Французы будоражат мир не парадоксами, а общими местами. Они облачают прописные истины в плоть и кровь – вспомним их революцию. Валантэн знал, что такое разум, и потому знал границы разума. Только тот, кто ничего не смыслит в моторах, попытается ехать без бензина; только тот, кто ничего не смыслит в разуме, попытается размышлять без твердой, неоспоримой основы. Сейчас основы не было. Он упустил Фламбо в Норвиче, а здесь, в Лондоне, тот мог принять любую личину и оказаться кем угодно, от верзилы-оборванца в Уимблдоне до атлета-кутилы в отеле «Метрополь».

Когда Валантэн ничего не знал, он применял свой метод. Он полагался на непредвиденное. Если он не мог идти разумным путем, он тщательно и скрупулезно действовал вопреки разуму. Он шел не туда, куда следует, – не в банки, полицейские участки, значные места, а туда, куда не следует: стучался в пустые дома, сворачивал в тупики, лез в переулки через горы мусора, огибал любую площадь, петлял. Свои безумные поступки он объяснял весьма разумно.

Если у вас есть ключ, говорил он, этого делать не стоит; но если ключа нет – делайте только так. Любая странность, зацепившая внимание сыщика, могла зацепить и внимание преступника. С чего-то надо начать; почему же не начать там, где мог остановиться другой? В крутизне ступенек, в тихом уюте ресторана было что-то необычное. Романтическим нюхом сыщика Валантэн почуял, что тут стоит остановиться. Он взбежал по ступенькам, сел у окна и спросил черного кофе.

Было позднее утро, а он еще не завтракал. Остатки чужой еды на столиках напомнили ему, что он проголодался; он заказал яйцо всмятку и рассеянно положил в кофе сахар, думая о Фламбо. Он вспомнил, как тот использовал для побега то ножницы, то пожар, то доплатное письмо без марки, а однажды собрал толпу к телескопу, чтоб посмотреть на мнимую комету. Валантэн считал себя не глупее Фламбо и был прав. Но он прекрасно понимал невыгоды своего положения. «Преступник – творец, сыщик – критик», – сказал он, кисло улыбнулся, поднес чашку к губам и быстро опустил. Кофе был соленый.

Он посмотрел на вазочку, из которой брал соль. Это была сахарница, предназначенная для сахара, точно так же, как бутылка предназначена для вина. Он удивился, что здесь держат в сахарницах соль, и посмотрел, нет ли где солонки. На столе стояли две, полные доверху. Может, и с ними не все в порядке? Он попробовал; в них был сахар. Тогда он окинул вспыхнувшим взглядом другие столики – не проявился ли в чем-нибудь и там изысканный вкус шутника, переменившего местами соль и сахар? Все было опрятно и приветливо, если не считать темного пятна на светлых обоях. Валантэн кликнул лакея.

Растрепанный и сонный лакей подошел к столику, и сыщик (ценивший простую, незамысловатую шутку) предложил ему попробовать сахар и сказать, соответствует ли он репутации заведения. Лакей попробовал, охнул и проснулся.

– Вы всегда шутите так тонко? – спросил Валантэн. – Вам не приелся этот розыгрыш?

Когда ирония дошла до лакея, тот, сильно запинаясь, заверил, что ни у него, ни у хозяина и в мыслях не было ничего подобного. Вероятно, они просто ошиблись. Он взял сахарницу и осмотрел ее; взял солонку и осмотрел ее, удивляясь все больше и больше. Наконец он быстро извинился, убежал и привел хозяина. Тот тоже обследовал сахарницу и солонку и тоже удивился.

Вдруг лакей захлебнулся словами.

– Я вот что думаю, – затараторил он. – Я думаю, это те священники. Те, двое, – пояснил лакей. – Которые стену супом облили.

– Облили стену супом? – переспросил Валантэн, думая, что это итальянская поговорка.

– Вот, вот, – волновался лакей, указывая на темное пятно. – Взяли и плеснули.

Валантэн взглянул на хозяина, и тот дал более подробный отчет.

– Да, сэр, – сказал он. – Так оно и было, только сахар и соль тут, наверно, ни при чем. Совсем рано, мы только шторы подняли, сюда зашли два священника и заказали бульон. Люди вроде бы тихие, приличные. Высокий расплатился и ушел, а другой собирал свертки, он какой-то был неповоротливый. Потом он тоже пошел к дверям и вдруг схватил чашку и вылил суп на стену. Я был в задней комнате. Выбегаю – смотрю: пятно, а священника нет. Убыток небольшой, но ведь какая наглость! Я побежал за ним, да не догнал, они свернули на Карстейрс-стрит.

Валантэн уже вскочил, надел шляпу и стиснул трость. Он понял: во тьме неведения надо идти туда, куда направляет вас первый указатель, каким бы странным он ни был. Еще не упали на стол монеты, еще не хлопнула стеклянная дверь, а сыщик уже свернул за угол и побежал по улице.

К счастью, даже в такие отчаянные минуты он не терял холодной зоркости. Пробегая мимо какой-то лавки, он заметил в ней что-то странное и вернулся. Лавка оказалась зеленой; на открытой витрине были разложены овощи и фрукты, а над ними торчали ярлычки с ценами. В самых больших ячейках высились груда орехов и пирамида мандаринов. Над-

пись над орехами – синие крупные буквы на картонном поле – гласила: «Лучшие мандарины. Две штуки за пенни»; надпись над мандаринами: «Лучшие бразильские орехи. Четыре пенса фунт». Валантэн прочитал и подумал, что совсем недавно встречался с подобным юмором. Обратившись к краснолицему зеленщику, который довольно угрюмо смотрел вдаль, он привлек его внимание к прискорбной ошибке. Зеленщик не ответил, но тут же переставил ярлычки. Сыщик, небрежно опираясь на трость, продолжал разглядывать витрину. Наконец он спросил:

– Простите за нескромность, сэр, нельзя ли задать вам вопрос из области экспериментальной психологии и ассоциации идей?

Багровый лавочник грозно взглянул на него, но Валантэн продолжал, весело помахивая тростью:

– Почему переставленные ярлычки на витрине зеленщика напоминают нам о священнике, прибывшем на праздники в Лондон? Или – если я выражаюсь недостаточно ясно – почему орехи, поименованные мандаринами, таинственно связаны с двумя духовными лицами, повыше ростом и пониже?

Глаза зеленщика полезли на лоб, как глаза улитки; казалось, он вот-вот кинется на нахала. Но он сердито проворчал:

– А ваше какое дело? Может, вы с ними заодно? Так вы им прямо скажите: попы они там или кто, а рассыпят мне опять яблоки – кости переломая!

– Правда? – посочувствовал сыщик. – Они рассыпали ваши яблоки?

– Это все тот, коротенький, – разволновался зеленщик. – Прямо по улице покатались.

Пока я их подбирал, он и ушел.

– Куда? – спросил Валантэн.

– Налево, за второй угол. Там площадь, – быстро сообщил зеленщик.

– Спасибо, – сказал Валантэн и упорхнул, как фея.

За вторым углом налево он пересек площадь и бросил полисмену:

– Срочное дело, констебль. Не видели двух патеров?

Полисмен засмеялся басом.

– Видел, – сказал он. – Если хотите знать, сэр, один был пьяный. Он стал посреди дороги и...

– Куда они пошли? – резко спросил сыщик.

– Сели в омнибус, – ответил полицейский. – Из этих, желтых, которые идут в Хемпстед.

Валантэн вынул карточку, быстро сказал: «Пришлите двоих, пусть идут за мной!» – и ринулся вперед так стремительно, что могучий полисмен волей-неволей поспешил выполнить его приказ. Через минуту, когда сыщик стоял на другой стороне площади, к нему присоединились инспектор и человек в штатском.

– Итак, сэр, – важно улыбаясь, начал инспектор, – чем мы можем...

Валантэн выбросил вперед трость.

– Я отвечу вам на империале вон того омнибуса, – сказал он и нырнул в гущу машин и экипажей.

Когда все трое, тяжело дыша, уселись на верхушке желтого омнибуса, инспектор сказал:

– В такси мы бы доехали в четыре раза быстрее.

– Конечно, – согласился предводитель. – Если б мы знали, куда едем.

– А куда мы едем? – ошарашенно спросил инспектор.

Валантэн задумчиво курил; потом, вынув изо рта сигару, произнес:

– Когда вы знаете, что делает преступник, забегайте вперед. Но если вы только гадаете – идите за ним. Блуждайте там, где он; останавливайтесь, где он; не обгоняйте его. Тогда вы увидите то, что он видел, и сделаете то, что он сделал. Нам остается одно: подмечать все странное.

– В каком именно роде? – спросил инспектор.

– В любом, – ответил Валантэн и надолго замолчал.

Желтый омнибус полз по северной части Лондона. Казалось, что прошли часы; великий сыщик ничего не объяснял, помощники его молчали, и в них росло сомнение. Быть может, рос в них и голод – давно миновала пора второго завтрака, а длинные улицы северных кварталов вытягивались одна за другой, словно колена какой-то жуткой подозрительной трубы. Все мы помним такие поездки – вот-вот покажется край света, но показывается только Тэфнел-парк. Лондон исчезал, рассыпался на грязные лачуги, кабачки и хилые пустыри и снова возникал в огнях широких улиц и фешенебельных отелей. Казалось, едешь сквозь тринадцать городов. Впереди сгушался холодный сумрак, но сыщик молчал и не двигался, пристально вглядываясь в мелькающие мимо улицы. Когда Кэмден-таун остался позади, полицейские уже клевали носом. Вдруг они очнулись: Валантэн вскочил, схватил их за плечи и крикнул кучеру, чтобы тот остановился.

В полном недоумении они скатились по ступенькам и, оглядевшись, увидели, что Валантэн победно указывает на большое окно по левую руку от них. Окно это украшало сверкающий фасад большого, как дворец, отеля; здесь был обеденный зал ресторана, о чем и сообщала вывеска. Все окна в доме были из матового узорного стекла; но в середине этого окна, словно звезда во льду, зияла дырка.

– Наконец! – воскликнул Валантэн, потрясая тростью. – Разбитое окно! Вот он, ключ!

– Какое окно? Какой ключ? – рассердился полицейский. – Чем вы докажете, что это связано с ними?

От злости Валантэн чуть не сломал бамбуковую трость.

– Чем докажу! – вскричал он. – О господи! Он ищет доказательств! Скорей всего, это никак не связано. Но что ж нам еще делать? Неужели вы не поняли, что нам надо хвататься за любую, самую невероятную случайность или идти спать?

Он ворвался в ресторан; за ним вошли полисмены. Все трое уселись за столик и принялись за поздний завтрак, поглядывая то и дело на звезду в стекле. Надо сказать, и сейчас она мало что объясняла.

– Вижу, у вас окно разбито, – сказал Валантэн лакею, расплачиваясь.

– Да, сэр, – ответил лакей, озабоченно подсчитывая деньги. Чаевые были немалые, и, выпрямившись, он явно оживился. – Вот именно, сэр, – сказал он. – Ну и дела, сэр!

– А что такое? – небрежно спросил сыщик.

– Пришли к нам тут двое, священники, – поведал лакей. – Сейчас их много понаехало. Ну, позавтракали они, один заплатил и пошел. Другой чего-то возится. Смотрю – завтрак-то был дешевый, а заплатили чуть не вчетверо. Я говорю: «Вы лишнее дали», – а он остановился на пороге и так это спокойно говорит: «Правда?» Взял я счет, хотел ему показать и чуть не свалился.

– Почему? – спросил сыщик.

– Я бы чем хотите поклялся, в счете было четыре шиллинга. А тут смотрю – четырнадцать, хоть ты тресни.

– Так! – вскричал Валантэн, медленно поднимаясь на ноги. Глаза его горели. – И что же?

– А он стоит себе в дверях и говорит: «Простите, перепутал. Ну, это будет за окно». – «Какое такое окно?» – говорю. «Которое я разобью», – и трах зонтиком!

Слушатели вскрикнули, а инспектор тихо спросил:

– Мы что, гонимся за сумасшедшим?

Лакей продолжал, смакуя смешную историю:

– Я так и сел, ничего не понимаю. А он догнал того, высокого, свернули они за угол – и как побегут по Баллок-стрит! Я за ними со всех ног, да куда там – ушли!

– Баллок-стрит! – крикнул сыщик и понесся по улице так же стремительно, как таинственная пара, за которой он гнался.

Теперь преследователи быстро шли меж голых кирпичных стен, как по туннелю. Здесь было мало фонарей и освещенных окон; казалось, что все на свете повернулось к ним спиной. Сгущались сумерки, и даже лондонскому полисмену нелегко было понять, куда они спешат. Инспектор, однако, не сомневался, что рано или поздно они выйдут к Хемпстедскому Лугу. Вдруг в синем сумраке, словно иллюминатор, сверкнуло выпуклое освещенное окно, и Валантэн остановился за шаг до лавчонки, где торговали сладостями. Поколебавшись секунду, он нырнул в разноцветный мирок кондитерской, подошел к прилавку и со всей серьезностью отобрал тринадцать шоколадных сигар. Он обдумывал, как перейти к делу, но это ему не понадобилось.

Костлявая женщина – старообразная, хотя и нестарая – смотрела с тупым удивлением на элегантного пришельца; но, увидев в дверях синюю форму инспектора, очнулась и заговорила.

– Вы, наверно, за пакетом? – спросила она. – Я его отослала.

– За пакетом?! – повторил Валантэн; пришел черед и ему удивляться.

– Ну, который тот мужчина оставил, – священник, что ли?

– Ради бога! – воскликнул Валантэн и подался вперед; его пылкое нетерпение прорвалось наконец наружу. – Ради бога, расскажите подробно!

– Ну, – не совсем уверенно начала женщина, – зашли сюда священники, это уже будет с полчаса. Купили мятных лепешек, поговорили про то про се и пошли к Лугу. Вдруг один бежит: «Я пакета не оставлял?» Я туда-сюда – нигде нету. А он говорит: «Ладно. Найдете – пошлите вот по такому адресу». И дал мне этот адрес и еще шиллинг за труды. Вроде бы все обшарила, а ушел он, – глядь! – пакет лежит. Ну, я его и послала, не помню уж куда, где-то в Вестминстере. А сейчас я и подумала: наверное, в этом пакете что-то важное, вот полиция за ним и пришла.

– Так и есть, – быстро сказал Валантэн. – Близко тут Луг?

– Прямо идти минут пятнадцать, – сказала женщина, – к самым воротам выйдете.

Валантэн выскочил из лавки и понесся вперед. Полисмены неохотно трусили за ним.

Узкие улицы предместья лежали в тени домов, и, вынырнув на большой пустырь, под открытое небо, преследователи удивились, что сумерки еще так прозрачны и светлы. Круглый купол синевато-зеленого неба отсвечивал золотом меж черных стволов и в темно-лиловой дали. Зеленый светящийся сумрак быстро сгущался, и на небе проступали редкие кристаллики звезд. Последний луч солнца мерцал, как золото, на вершинах холмов, венчавших излюбленное лондонцами место, которое зовется Долиной Здоровья. Праздные горожане еще не совсем разбрелись – на скамейках темнели расплывчатые силуэты пар, а где-то вдалеке вскрикивали на качелях девицы. Величие небес осеняло густеющей синью величие человеческой пошлости. И, глядя сверху на Луг, Валантэн увидел наконец то, что искал.

Вдалеке чернели и расставались пары; одна из них была чернее всех и держалась вместе. Два человека в черных сутанах уходили вдаль. Они были не крупнее жуков; но Валантэн увидел, что один много ниже другого. Высокий шел смиренно и чинно, как подобает ученому клирику, но было видно, что в нем больше шести футов. Валантэн сжал зубы и ринулся вниз, рьяно вращая тростью. Когда расстояние сократилось и двое в черном стали видны четко, как в микроскоп, он заметил еще одну странность, которая и удивила его и не удивила. Кем бы ни был высокий, маленького Валантэн узнал: то был его попутчик по купе, неуклюжий священник из Эссекса, которому он посоветовал смотреть получше за своими свертками.

Пока что все сходилось. Сыщику сказали, что некий Браун из Эссекса везет в Лондон серебряный, украшенный сапфирами крест – драгоценную реликвию, которую покажут иностранному клиру. Это и была, конечно, «серебряная вещь с камушками», а Браун, без сомнения, был тот растяпа из поезда. То, что узнал Валантэн, прекрасно мог узнать и Фламбо – Фламбо обо всем узнавал. Конечно, пронюхав про крест, Фламбо захотел украсть его – это проще простого. И уж совсем естественно, что Фламбо легко обвел вокруг пальца священника

со свертками и зонтиком. Такую овцу кто угодно мог бы затащить хоть на Северный полюс, так что Фламбо – блестящему актеру – ничего не стоило затащить его на этот Луг. Покуда все было ясно. Сыщик пожалел беспомощного патера и чуть не презирал Фламбо, опустившегося до такой доверчивой жертвы. Но что означали странные события, приведшие к победе его самого? Как ни думал он, как ни бился – смысла в них не было. Где связь между кражей креста и пятном супа на обоях? Перепутанными ярлычками? Платой вперед за разбитое окно? Он пришел к концу пути, но упустил середину. Иногда, хотя и редко, Валантэн упустил преступника; но ключ находил всегда. Сейчас он настиг преступника, но ключа у него не было.

Священники ползли по зеленому склону холма, как черные мухи. Судя по всему, они беседовали и не замечали, куда идут; но шли они в самый дикий и тихий угол Луга. Преследователям пришлось принимать те недостойные позы, которые принимает охотник, выслеживающий дичь: они перебежали от дерева к дереву, крались и даже ползли по густой траве. Благодаря этим неуклюжим маневрам охотники подошли совсем близко к дичи и слышали уже голоса, но слов не разбирали, кроме слова «разум», которое повторял то и дело высокий детский голос. Вдруг путь им преградили заросли над обрывом; сыщики потеряли след и плутали минут десять, пока, обогнув гребень круглого, как купол, холма, не увидели в лучах заката прелестную и тихую картину. Под деревом стояла ветхая скамья; на ней сидели, серьезно беседуя, священники. Зеленый и золото еще сверкали у темнеющего горизонта, сине-зеленый купол неба становился зелено-синим, и звезды сверкали ярко, как крупные бриллианты. Валантэн сделал знак своим помощникам, подкрался к большому ветвистому дереву и, стоя там в полной тишине, услышал наконец, о чем говорили странные священнослужители.

Он слушал минуту-другую, и бес сомнения обуял его. А что, если он зря затащил английских полисменов в дальний угол темнеющего парка? Священники беседовали именно так, как должны беседовать священники, – благочестиво, степенно, учено о самых бестелесных тайнах богословия. Маленький патер из Эссекса говорил проще, обратив круглое лицо к разгорающимся звездам. Высокий сидел, опустив голову, словно считал, что недостойн на них взглянуть. Беседа их была невинней невинного; ничего более возвышенного не услышишь в белой итальянской обители или в черном испанском соборе.

Первым донесся конец фразы отца Брауна:

– ...то, что имели в виду средневековые схоласты, когда говорили о несокрушимости небес.

Высокий священник кивнул склоненной головой.

– Да, – сказал он, – безбожники взывают теперь к разуму. Но кто, глядя на эти мириады миров, не почувствует, что там, над нами, могут быть Вселенные, где разум неразумен?

– Нет, – сказал отец Браун, – разум разумен везде.

Высокий поднял суровое лицо к усеянному звездами небу.

– Кто может знать, есть ли в безграничной Вселенной... – снова начал он.

– У нее нет пространственных границ, – сказал маленький и резко повернулся к нему, – но за границы нравственных законов она не выходит.

Валантэн сидел за деревом и молча грыз ногти. Ему казалось, что английские сыщики хихикают над ним – ведь это он затащил их в такую даль, чтобы послушать философскую чушь двух тихих пожилых священников. От злости он пропустил ответ высокого и услышал только отца Брауна.

– Истина и разум царят на самой далекой, самой пустынной звезде. Посмотрите на звезды. Правда, они как алмазы и сапфиры? Так вот, представьте себе любые растения и камни. Представьте алмазные леса с бриллиантовыми листьями. Представьте, что луна – синяя, сплошной огромный сапфир. Но не думайте, что все это хоть на йоту изменит закон разума и справедливости. На опаловых равнинах, среди жемчужных утесов вы найдете все ту же заповедь: «Не укради».

Валентэн собрался было встать – у него затекло все тело – и уйти потише; в первый раз за свою жизнь он сморозил такую глупость. Но высокий молчал как-то странно, и сыщик прислушался. Наконец тот сказал совсем просто, еще ниже опустив голову и сложив руки на коленях:

– А все же я думаю, что другие миры могут подняться выше нашего разума. Неисповедима тайна небес, и я склоняю голову. – И, не поднимая головы, не меняя интонации, прибавил: – Давайте-ка сюда этот крест. Мы тут одни, и я вас могу распотрошить, как чучело.

Оттого что он не менял ни позы, ни тона, эти слова прозвучали еще страшнее. Но хранитель святыни почти не шевельнулся; его глуповатое лицо было обращено к звездам. Может быть, он не понял или окаменел от страха.

– Да, – все так же тихо сказал высокий, – да, я Фламбо. – Помолчал и прибавил: – Ну, отдадите вы крест?

– Нет, – сказал Браун, и односложное это слово странно прозвенело в тишине.

И тут с Фламбо слетело напускное смирение. Великий вор откинулся на спинку скамьи и засмеялся негромко, но грубо.

– Не отдадите! – сказал он. – Еще бы вы отдали! Еще бы вы мне его отдали, простак-холостяк! А знаете почему? Потому что он у меня в кармане.

Маленький сельский священник повернул к нему лицо – даже в сумерках было видно, как он растерян, – и спросил взволнованно и робко, словно подчиненный:

– Вы... вы уверены?

Фламбо взвыл от восторга.

– Ну, с вами театра не надо! – закричал он. – Да, достопочтенная брюква, уверен! Я догадался сделать фальшивый пакет. Так что теперь у вас бумага, а у меня – камешки. Старый прием, отец Браун, очень старый прием.

– Да, – сказал отец Браун и все так же странно, несмело пригладил волосы, – я о нем слышал.

Король преступников наклонился к нему с внезапным интересом.

– Кто? Вы? – спросил он. – От кого ж это вы могли слышать?

– Я не вправе назвать вам его имя, – просто сказал Браун. – Понимаете, он каялся. Он жил этим лет двадцать – подменял свертки и пакеты. И вот, когда я вас заподозрил, я вспомнил про него, беднягу.

– Заподозрили? – повторил преступник. – Вы что, действительно догадались, что я вас не зря тащу в такую глушь?

– Ну да, – виновато сказал Браун. – Я вас сразу заподозрил. Понимаете, у вас запястье изуродовано, это от наручников.

– А, черт! – заорал Фламбо. – Вы-то откуда знаете про наручники?

– От прихожан, – ответил Браун, кротко поднимая брови. – Когда я служил в Хартлпуле, там у двоих были такие руки. Вот я вас и заподозрил и решил, понимаете, спасти крест. Вы уж простите, я за вами следил. В конце концов я заметил, что вы подменили пакет. Ну, а я подменил его снова и настоящий отослал.

– Отослали? – повторил Фламбо, и в первый раз в его голосе звучала не только победа.

– Да, отослал, – спокойно продолжал священник. – Я вернулся в лавку и спросил, не оставлял ли я пакета.

И дал им адрес, куда его послать, если он найдется. Конечно, сначала я его не оставлял, а потом оставил. А за мной не побежали и послали его прямо в Вестминстер, моему другу. Этому я тоже научился от того бедняги. Он так делал с сумками, которые крал на вокзалах. Сейчас он в монастыре. Знаете, в жизни многому научишься, – закончил он, виновато почесывая за ухом. – Что ж нам, священникам, делать? Приходят, рассказывают...

Фламбо уже выхватил пакет из внутреннего кармана и рвал его в клочья. Там не было ничего, кроме бумаги и кусочков свинца. Потом он вскочил, взмахнул огромной рукой и заорал:

– Не верю! Я не верю, что такая тыква может все это обстрять! Крест у вас! Не дадите – отберу. Мы одни.

– Нет, – просто сказал отец Браун и тоже встал. – Вы его не отберете. Во-первых, его действительно нет. А во-вторых, мы не одни.

Фламбо замер на месте.

– За этим деревом, – сказал отец Браун, – два сильных полисмена и лучший в мире сыщик. Вы спросите, зачем они сюда пришли? Я их привел. Как? Что ж, я скажу, если хотите. Господи, когда работаешь в трущобах, приходится знать много таких штук! Понимаете, я не был уверен, что вы вор, и не хотел оскорблять своего брата священника. Вот я и стал вас испытывать. Когда человеку дадут соленый кофе, он обычно сердится. Если же он терпит, значит, он боится себя выдать. Я насыпал в сахарницу соль, а в солонку – сахар, и вы терпели. Когда счет гораздо больше, чем надо, это, конечно, вызывает недоумение. Если человек по нему платит, значит, он хочет избежать скандала. Я приписал единицу, и вы заплатили.

Казалось, Фламбо вот-вот кинется на него, словно тигр. Но вор стоял как зачарованный – он хотел понять.

– Ну вот, – с тяжеловесной дотошностью объяснял отец Браун. – Вы не оставляли следов – кому-то надо же было их оставлять. Всюду, куда мы заходили, я делал что-нибудь такое, чтобы о нас толковали весь день. Я не причинял большого вреда – облил супом стену, рассыпал яблоки, разбил окно, – но крест я спас. Сейчас он в Вестминстере. Странно, что вы не пустили в ход ослиный свисток.

– Чего я не сделал?

– Как хорошо, что вы о нем не слышали! – просиял священник. – Это плохая штука. Я знал, что вы не опуститесь так низко. Тут бы мне не помогли даже пятна – я слабоват в коленках.

– Что вы несете? – спросил Фламбо.

– Ну уж про пятна-то, я думал, вы знаете! – обрадовался Браун. – Значит, вы еще не очень испорчены.

– А вы-то откуда знаете всю эту гадость? – воскликнул Фламбо.

– Наверное, потому, что я простака-холостяк, – сказал Браун. – Вы никогда не думали, что человек, который все время слушает о грехах, должен хоть немного знать мирское зло? Правда, не только практика, но и теория моего дела помогла мне понять, что вы не священник.

– Какая еще теория? – спросил изнемогающий Фламбо.

– Вы нападали на разум, – ответил Браун. – Это дурное богословие.

Он повернулся, чтобы взять свои вещи, и три человека вышли в сумерках из-за деревьев. Фламбо был талантлив и знал законы игры: он отступил назад и низко поклонился Валантэну.

– Не мне кланяйтесь, *mon ami*¹, – сказал Валантэн серебристо-звонким голосом. – Поклонимся оба тому, кто нас превзошел.

И они стояли, обнажив головы, пока маленький сельский священник шарил в темноте, пытаясь найти зонтик.

¹ Мой друг (*фр.*).

Сокровенный сад

Аристид Валантэн, глава парижского сыска, опаздывал на званый обед в собственном доме. Гости уже начали прибывать, и старый слуга по имени Иван, которому хозяин всецело доверял, постарался успокоить прибывших. Иван был не только слугой, но и охранником – он всегда сидел за столиком в прихожей, на стенах которой висело самое разнообразное оружие. Лицо этого человека было отмечено шрамом и казалось таким же серым, как и свисающие усы.

Старинный дом Валантэна был, пожалуй, не менее знаменит, чем его владелец, и производил столь же странное впечатление. Участок окружала высокая стена; ветви могучих тополей нависали над Сеной. Странность же этого дома – и, быть может, немаловажное достоинство с точки зрения безопасности хозяина – заключалась в том, что в сад нельзя было попасть иначе чем через парадный подъезд, охранявшийся Иваном, в чьем распоряжении имелся целый арсенал. Сад отличался немалыми размерами и содержался весьма аккуратно. Из дома сюда вело множество выходов, однако с улицы войти было невозможно – участок окружала высокая неприступная стена с острями на гребне. Именно таким, наверное, и должен быть сад человека, с которым поклялись расправиться сотни уголовников.

Иван сообщил гостям, что хозяин предупредил его по телефону: он задерживается на десять минут. По правде говоря, Валантэн был занят весьма неприятным делом: отдавал последние распоряжения относительно казни преступников; хотя подобные обязанности были ему глубоко противны, он ими не пренебрегал. Беспощадно охотясь за преступниками, он становился весьма снисходительным, когда речь шла о наказании. Во французских – и, более того, в европейских правоохранительных органах он завоевал большой авторитет и, к чести для себя, пользовался своим влиянием для смягчения приговоров и тем самым способствовал очищению тюрем. Этого человека можно было назвать одним из наиболее гуманных французских вольнодумцев, весьма достойных людей, единственным недостатком которых является то, что они оказывают милосердие ближнему своему с еще богльшим холодом в сердце, чем когда вершат над ним правый суд.

Наконец Валантэн прибыл. Он был одет в черную пару, в петлице красовалась алая роза – элегантный и статный мужчина, ничего не скажешь, хотя в его черной бородке уже пробивалась седина. Валантэн прошел прямо к себе в кабинет, откуда можно было попасть в сад. Дверь как раз оказалась открыта. Хозяин дома убрал свой чемоданчик в ящик стола, запер его, затем подошел к выходу в сад и несколько мгновений простоял в дверном проеме, обозревая открывшуюся перед ним картину. Острый месяц нещадно рассекал лохмотья предвещавших грозу серых туч; Валантэн наблюдал за этим с задумчивостью, необычной для людей с научным складом ума. Быть может, подобные натуры способны обуреваются предчувствие того, что им скоро предстоит оказаться перед самой немыслимой дилеммой в своей жизни. Однако какие бы невероятные мистические предвидения ни посетили начальника полиции, он быстро пришел в себя – ему ведь было известно, что он опоздал и гости уже начали собираться.

Войдя в гостиную, он с первого взгляда понял: самый долгожданный посетитель еще не прибыл. Остальные же были почти все налицо: лорд Гэллоуэй, английский посол – пожилой мужчина с холерическим темпераментом; его кирпично-красное лицо напоминало спелое яблоко, в петлице фрака голубела ленточка ордена Подвязки; рядом с лордом была супруга – изящная, хотя и худая, как спичка, с седыми волосами и запоминающимся лицом, выдававшим незаурядную и способную на глубокие чувства натуру; дочь посла тоже стояла неподалеку. Звали ее леди Маргарет Грэм; это была бледная хорошенькая девушка с медного оттенка волосами, судя по лицу, проказница. Присутствовала также черноглазая дородная герцогиня Монт-Сен-Мишель с двумя дочерьми, такими же черноглазыми и дородными. Был здесь доктор Симон, типичный француз-ученый – в очках, с бородкой клинышком и высоким лбом, кото-

рый пересекали параллельные ряды морщин (наказание, уготованное людям высокомерным, имеющим обыкновение поднимать брови). Присутствовал также отец Браун из местечка Кобхоул в Эссексе – с ним Валантэн недавно встречался в Англии. Хозяин заметил среди собравшихся еще одного человека – и тот, вероятно, вызвал у него наибольший интерес. То был высокий мужчина в военной форме; в эту минуту он как раз раскланивался с семейством Гэллоуэй, хотя его ожидал здесь не слишком сердечный прием; сразу же после этого военный направился к хозяину дома, дабы засвидетельствовать ему свое почтение. Звали его О'Брайен, он служил во французском Иностранном легионе и имел высокий чин командора. О'Брайен был темно-волос, голубоглаз, чисто выбрит, строен; осанка его выдавала привычку повелевать. Как то пристало офицеру подразделения, прославившегося триумфальными провалами и самоубийственными победами, он имел одновременно лихой и меланхоличный вид. По рождению этот человек был знатным ирландцем, в детстве и юности водил знакомство с Гэллоуэями, особенно с их дочерью, Маргарет Грэм. Долги вынудили его покинуть родину. Теперешний его наряд – военная форма, шпоры, сабля – демонстрировал полное пренебрежение британским этикетом. Когда он поклонился семье посла, лорд и леди Гэллоуэй ответили принужденным поклоном, а леди Маргарет отвела взгляд в сторону.

Однако по каким бы коренящимся в глубоком прошлом причинам гости ни проявляли интерес друг к другу, знаменитый хозяин дома выказал ко всему этому полное равнодушие. Никого из них он не мог бы назвать гвоздем программы; нет, это должен был быть другой человек, всемирно известный, чье расположение он снискал во время своего визита в Новый Свет, принесшего ему славу как выдающемуся борцу с преступностью. Этим человеком являлся Джулиус К. Блэйн, мультимиллионер, – его огромные, непомерные пожертвования в пользу приверженцев непопулярных религий дали возможность английским и американским газетчикам раздуть его славу. Никто не знал, был ли мистер Блэйн атеистом или мормоном, адвентистом седьмого дня или адептом «Христианской науки», однако он неизменно проявлял готовность сыпать деньги в любую бочку при условии, что ее только что перед ним поставили. Он ожидал того благословенного дня, когда в Америке появится свой Шекспир, – занятие, требующее больше терпения, чем даже рыбная ловля. Уолт Уитмен² приводил его в восхищение, однако он считал, что некий Льюк П. Тэннер из городка Парижа, что находится в штате Пенсильвания, гораздо более «прогрессивен», чем Уитмен. Миллиардеру нравились «прогрессивные люди». Он считал прогрессивным даже Валантэна, впрочем, совершенно несправедливо.

Появление в комнате массивной фигуры Джулиуса К. Блэйна оказалось столь же категорическим, как гонг, сзывающий гостей к столу. У этого человека имелась черта, не свойственная большинству из нас: его присутствие казалось не менее заметным, чем его отсутствие. Это был огромный мужчина, полный и высокий, одетый в черный фрак; черноту эту не умерял блеск часовой цепочки и массивного кольца на пальце. Седые волосы Блэйна были зачесаны назад на германский манер, лицо отличалось краснотой, черты его казались какими-то детскими и в то же время неприятными; пучок волос, свешивавшийся вниз с подбородка из-под нижней губы, придавал этому человеку с внешностью невинного младенца вид театрального злодея, чуть ли не Мефистофеля. Общество, впрочем, недолго любовалось знаменитым американцем – к его манере опаздывать все уже привыкли, так что ему почти сразу же предложили проследовать в столовую рука об руку с леди Гэллоуэй.

Если не считать одного большого вопроса, семейство английского посла было достаточно приветливо и общительно. Поскольку леди Маргарет сделала вид, что не замечает протянутой руки этого авантюриста О'Брайена, и вполне пристойно проследовала в столовую с доктором Симоном, отец ее был вполне удовлетворен. Однако, несмотря на это, старый лорд Гэллоуэй

² Уолт Уитмен (1819–1892) – великий американский поэт, публицист, зачинатель современного верлибра – свободного стиха.

чувствовал беспокойство, даже нервничал и в разговоре с трудом заставлял себя быть учти-вым. Во время обеда ему еще удавалось соблюдать приличия, но когда трое мужчин помоложе – доктор, отец Браун и О'Брайен, этот вредоносный отщепенец в чужом мундире, – закулив сигары, вышли из комнаты – то ли для того, чтобы присоединиться к дамам, то ли с целью спокойно покурить в оранжерее, английский дипломат дал волю своему раздражению. Его, не переставая, явила мысль, что этот проходимец О'Брайен в эту самую минуту, быть может, пытается завязать разговор с Маргарет или, чего доброго, уже с ней беседует. Сам же посол остался пить кофе с Блэйном, седовласым янки, верившим во всех богов, и сидящим французом Валантэном, не верившим ни во что. Эти двое могли спорить сколько им угодно, но заставить посла ввязаться в свою дискуссию были бессильны. К тому времени, как спор о том, что считать прогрессивным, достиг своего апогея, то есть стал невыносимо скучен, лорд Гэллоуэй наконец поднялся и покинул комнату в надежде самостоятельно разыскать гостиную. Это, однако, оказалось не таким простым делом, и, лишь проблуждав минут пять-семь в бесконечных коридорах, лорд услышал высокий голос морализировавшего доктора, а затем глухо прозвучавший ответ отца Брауна, слова которого были встречены общим смехом. «И эти тоже, черт их возьми, спорят, – думал посол. – Вроде бы насчет взаимоотношений науки и религии». Однако в тот момент, когда лорд Гэллоуэй открыл дверь и вступил в гостиную, он заметил лишь единственное: в комнате кое-кого не хватало. А именно, командора О'Брайена и леди Маргарет.

Нетерпеливо покинув гостиную, как недавно столовую, лорд Гэллоуэй снова попал в длинный коридор. Намерение уберечь дочь от этого ирландского – или теперь алжирского? – мошенника прогнало все прочие мысли и воцарилось у него в голове как самодержец, как безумный властитель. Когда лорд оказался в задней части дома, где помещался кабинет Валантэна, ему вдруг, к его удивлению, попалась навстречу дочь – она неслышно проскользнула мимо, на бледном ее лице играла презрительная усмешка. Это озадачило посла не менее, чем недавнее отсутствие Маргарет. Если она говорила с О'Брайеном, куда тот делся? Если же она с ним не говорила, что она делала все это время? Со жгучей старческой подозрительностью Гэллоуэй на ощупь пробирался по полутемным коридорам в глубь дома. Тут он случайно набрел на один из выходов в сад, которым обычно пользовались слуги.

Ятаган месяца к этому времени распорол все штормовые паруса туч и разрезал их на мелкие клочки. Серебристый свет залил все углы сада; посол вдруг заметил высокую фигуру в голубом одеянии, двигавшуюся по газону в направлении одного из входов в дом. Вот на лицо этого человека пал один из ярких бликов – и этого оказалось достаточно, чтобы вполне отчетливо стали видны черты командора О'Брайена.

Молодой офицер прошел через балконную дверь и скрылся в доме; наблюдавший за ним Гэллоуэй пребывал в неопишемом настроении – он злился, но не мог понять, на кого именно. Серебристо-голубой сад, так похожий на театральные декорации, казалось, насмехается над ним, околдовывает насильственной своей нежностью, против которой восставало мирское величие посла. Широкая, исполненная грации походка ирландца вызвала в старом лорде ярость, как будто этот человек был его соперником в любви; лунное сияние сводило его с ума, завлекало в ловушку, заманивало в волшебные миры Ватто³, в вертоград трубадуров. Желая стряхнуть это идиотское наваждение, посол торопливо зашагал следом за недругом, но почти сразу же споткнулся о какой-то предмет в траве – то ли о камень, то ли о бревно. Он бросил на землю раздраженный взгляд, но раздражение тут же сменилось изумлением, затем ужасом. В следующее мгновение луна и стройные тополя могли наблюдать необычное зрелище: бегущего со всех ног пожилого английского дипломата, вдобавок что-то кричащего на бегу.

³ *Антуан Ватто* (1684–1721) – французский художник, автор отличающихся изысканной нежностью красочных полотен – бытовых и театральных сцен, «галантных празднеств».

Его хриплые возгласы не остались без последствий – в окне кабинета рядом с балконной дверью появилось бледное лицо, заблестели стекла чьих-то очков. Это был доктор Симон, в конце концов разобравший, что именно выкрикивает высокородный англичанин. А кричал он вот что:

– Труп! Труп в траве! Окровавленный труп!

Об ирландце лорд Гэллоуэй наконец-то забыл.

– Надо немедленно известить Валантэна, – сказал доктор, когда посол сбивчиво описал то, что успел рассмотреть. – Нам повезло, что здесь сам начальник полиции.

Валантэн оказался легок на помине – улышав крики, он поспешил на место происшествия. Занятно было наблюдать, как изменилась его манера держаться: пришел он с видом заботливого хозяина, испугавшегося, что одному из гостей или слуг стало плохо; когда же ему рассказали о жуткой находке, он тотчас стал необыкновенно серьезен и даже деловит – как-никак, сие ужасное происшествие вернуло его к исполнению профессиональных обязанностей.

– Странно, господа, – произнес он, выходя со спутниками в сад, – я расследовал таинственные истории по всему свету, а тут одна из них происходит в моем собственном доме. Покажите, где найдено тело.

Они с трудом пересекли лужайку – с реки наплывала густая туманная дымка; однако с помощью дрожавшего, как банный лист, лорда им наконец удалось отыскать в высокой траве труп. Мертвец был рослым и плечистым мужчиной; лежал он лицом вниз, так что видны были лишь его черный костюм, массивная лысая голова, на которой сохранилось лишь несколько пучков темных волос, прилипших к коже, как влажные водоросли. Из-под обращенного к земле лица текла алая струйка крови.

– Что ж, – сказал Симон с особенно значительной, зловещей интонацией, – он, по крайней мере, не из числа гостей.

– Осмотрите его, доктор, – взволнованно воскликнул Валантэн, – быть может, он еще жив!

Врач склонился над телом.

– Еще не остыл, – сообщил он, – но боюсь, что надежды нет никакой – он мертвехонек. Помогите-ка мне его приподнять.

Совместными усилиями они подняли тело на несколько дюймов от земли, после чего произошло нечто ужасное, и все сомнения, мертв ли этот человек, развеялись: отделенная от тела голова осталась лежать на траве. Убийца, очевидно, перерезал жертве горло и нанес при этом столь сильный удар, что перерубил шею. Даже выдавший виды Валантэн был потрясен.

– Преступник, похоже, силен, как горилла, – пробормотал он себе под нос.

Доктор Симон, хотя и посещавший изредка морги, поднял голову с земли с некоторым трепетом. Шею опоясывал разрез, но лицо осталось неповрежденным. Оно было мясистым и желтым, со впалыми щеками и выступающими скулами, ястребиным носом и тяжелыми веками. Такие черты могли быть у погрязшего в пороках римского императора; неуловимое сходство проглядывало даже с императорами китайскими. Никто из присутствующих не знал этого человека, да и в ближайшее время ничего нового о нем выяснить не удалось – приподняв тело, они увидели лишь, что белая сорочка на груди запачкана кровью. Как и сказал доктор Симон, покойник оказался не из числа гостей, хотя его наряд и заставлял предположить, что он, быть может, намеревался к ним присоединиться – одет он был соответствующим образом.

Валантэн опустил на корточки и со всей тщательностью обследовал траву и почву в радиусе двадцати ярдов вокруг тела; начальнику полиции пытались помочь доктор и английский посол, хотя от первого проку было мало, а второй вообще скорее мешал, чем помогал работать. Усердие этой троицы не дало никаких результатов – найдено было лишь несколько веток, разрезанных или разрубленных на мелкие кусочки. Валантэн поднял их, осмотрел и снова бросил на землю.

– М-да, ветки, – угрюмо сказал он, – одни лишь ветки и какой-то неизвестный с отрубленной головой; ничего здесь больше нет.

Воцарилось напряженное молчание, и вдруг заметно нервничавший лорд Гэллоуэй вскрикнул:

– Кто это? Кто там у стены?

К ним приближалась неровным шагом маленькая человеческая фигурка с непропорционально большой головой; в серебристой дымке лунного света казалось, что это какое-то волшебное существо, нечто вроде гоблина. При ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось: это безобидный маленький священник, который до сих пор сидел в гостинной.

– Хочу вам напомнить, – просто сказал он, – что в этот сад нельзя попасть с улицы – здесь нет ни ворот, ни даже калитки.

Черные брови Валантэна, казалось, сошлись, когда он, по своему обыкновению, поморщился при виде сутаны. Но человек он был справедливый и потому отдал должное уместному замечанию священника.

– Вы совершенно правы, – заявил он. – Для того чтобы узнать причину убийства, нам, вероятно, придется выяснить, как этот человек здесь оказался. Согласитесь, господа, что мы должны по возможности уберечь моих гостей от ненужной огласки их имен. Среди них ведь уважаемые люди, несколько дам и к тому же вы, господин посол. Надеюсь, вы не поймете меня превратно и не будете считать, что я злоупотребляю своим положением. Когда факт преступления будет отмечен в полицейском рапорте, дело пойдет своим чередом, и тут уж ничего не поделаешь. Пока же этого не произошло, я могу действовать по своему усмотрению. Я занимаю пост начальника полиции и до такой степени нахожусь на виду, что могу себе позволить кое-что скрыть. Клянусь честью, я выясню все относительно поведения моих гостей, прежде чем вызову сюда моих подчиненных и прикажу им искать убийцу где-то еще. Господа, вы должны дать мне обещание не покидать этот дом до завтрашнего утра. У меня для каждого найдется спальня. Мсье Симон, вы, по-моему, знаете, где комната Ивана, моего телохранителя, – он человек надежный. Идите туда и скажите ему, чтобы он попросил кого-нибудь из слуг посторожить у входной двери, а сам шел сюда. Лорд Гэллоуэй, вы, конечно, лучше других сумеете сообщить дамам, что произошло, и убедить их не впадать в панику. Они также должны остаться в доме. Мы с отцом Брауном побудем здесь, у тела.

Коль скоро в начальнике полиции разыграл боевой дух, прочим осталось лишь повиноваться. Доктор Симон отправился в комнату, на стенах которой было развешено оружие, и вызвал на место происшествия Ивана, частного детектива на службе у детектива, облеченного властью. Посол отправился в гостиную и, насколько мог тактично, довел до сведения дам ужасную новость; так что, когда общество наконец было в полном сборе, дрожавшие от страха представительницы прекрасного пола успели уже немного успокоиться. Тем временем священник и вольнодумец несли вахту у тела: один в головах, другой – в ногах. Их неподвижные, облитые лунным светом фигуры казались статуями, символизирующими два мировоззрения, два разных восприятия смерти.

Иван, доверенный помощник Валантэна, выскочил из дома, как ядро из пушки, и помчался по траве к начальнику полиции, подобно собаке, откликнувшейся на зов хозяина. Это был усатый мужчина; на лице его, отмеченном шрамом, читалось почти нездоровое оживление: видно было, что таинственное происшествие в его собственном доме пробудило в нем охотничий азарт. С почти неуместным рвением он попросил патрона разрешить ему осмотреть труп.

– Да, пожалуйста, Иван, раз уж вам так хочется, – ответил Валантэн. – Но не задерживайтесь – нам надо вернуться в дом и заняться делом.

Иван поднял отрубленную голову, затем выпустил ее из рук, и она упала на землю.

– Как же это... – сдавленно прошептал он. – Нет, не может быть... Вы знаете, кто это, мсье?

– Нет, – без всяких эмоций отозвался Валантэн. – Пошли-ка лучше в дом.

Вдвоем они втащили труп в кабинет, положили его на диван, затем направились в гостиную.

Начальник полиции спокойно подошел к письменному столу и сел; в его походке ощущалась какая-то нерешительность, но во взгляде, которым он обвел собравшихся, был холод стали; такой взгляд бывает у судьи на выездной сессии суда присяжных. Валантэн торопливо сделал какие-то пометки в лежавшем на столе блокноте, затем отрывисто спросил:

– Здесь все?

– Кроме мистера Блэйна, – ответила герцогиня Монт-Сент-Мишель, оглядев комнату.

– Нет и еще одного, – хрипло проговорил лорд Гэллоуэй. – Если не ошибаюсь, мистера Нейла О'Брайена. Я видел, как сей джентльмен прогуливался по саду, когда там лежал еще не остывший труп.

– Иван, поищите командора О'Брайена и мистера Блэйна, – распорядился начальник полиции. – Последний, кажется, докуривает сигару в столовой, а командор, вероятно, прогуливается по оранжерее. Впрочем, это только мои предположения.

Верный помощник Валантэна умчался, а его шеф тотчас же, не дав никому времени на размышления, продолжал все с той же неумолимой стремительностью:

– Всем, кто здесь присутствует, должно быть известно: в саду найдено тело человека с отрубленной головой. Доктор Симон, вы осматривали труп. Скажите, для того, чтобы нанести такой удар, нужна богатырская сила? Или все дело в том, что у убийцы был очень острый нож?

– Ножом, знаете ли, голову не отрежешь, – отозвался бледный доктор.

– Как по-вашему, чем это можно сделать? – спросил Валантэн.

– В наше время – не знаю, – промолвил доктор, подняв брови, отчего на лице его появилось скорбное выражение. – Шею не так-то легко перерубить даже несколькими ударами, а здесь шрам ровный. Если б дело было пару веков назад, я бы сказал, что удар нанесен двуручным мечом, алебардой или топором палача.

– Господи помилуй! – раздался почти истерический крик герцогини. – Да здесь же нет никаких двуручных мечей и алебард!

Валантэн все еще торопливо записывал что-то в блокнот.

– Скажите, – спросил он, не отвлекаясь от работы, – можно ли сделать это длинной французской кавалерийской саблей?

Тут вдруг раздался глухой стук в дверь, который почему-то заставил всех присутствующих похолодеть, словно это была сцена из шекспировского «Макбета». В молчании, воцарившемся после того, как у всех по коже пробежал холодок, слышались слова доктора:

– Саблей – да. На мой взгляд, ею можно нанести такой удар.

– Благодарю вас, – ответил Валантэн. – Иван, входите!

Дверь распахнулась, и охранник пропустил вперед командора О'Брайена, которого он в конце концов нашел в саду, – тот снова вышел на воздух и беспокойно мерил шагами лужайку.

Расстроенный ирландец остановился на пороге. Вид у него был вызывающий.

– Что вам от меня надо? – воскликнул он.

– Будьте любезны, сядьте, – спокойно и доброжелательно сказал Валантэн. – Гм, а сабля то не при вас! Где же она?

– На столе в библиотеке, – ответил О'Брайен, и от того, что он пребывал в смятении, акцент его стал отчетливее. – Такая незадача, представьте, вышло так, что...

– Иван, – распорядился начальник полиции, – сходите, пожалуйста, в библиотеку и принесите саблю командора. – Затем, когда охранник удалился, Валантэн продолжал: – Лорд Гэл-

лоуэй говорит, вы ушли из сада незадолго до того, как он обнаружил труп. Что вы делали в саду?

О'Брайен устало опустил в кресло.

– О, просто-напросто глядел на луну! – воскликнул он на ирландском диалекте. – Общался с природой, дорогой мой!

Воцарилось гробовое молчание. Через какое-то время его прервал стук в дверь, такой же обыденный, но пугающий, как раньше.

Вошел Иван с пустыми ножами в руках.

– Больше там ничего не было, – объявил он.

– Положите их на стол, – буркнул Валантэн, не отрывая взгляда от блокнота.

Молчание висело, как дамоклов меч, занесенный над головой осужденного убийцы. Герцогиня давно уже подавила рвавшееся с уст восклицание, скрытая ненависть лорда Гэллоуэя к ирландцу была утолена и даже начала понемногу ослабевать. Поэтому раздавшийся в тишине голос прозвучал неожиданно.

– Кажется, я могу дать вам исчерпывающее объяснение! – воскликнула леди Маргарет звучным, хотя и слегка дрожащим голосом, каким обычно говорит, обращаясь сразу ко многим людям, женщина, даже самая решительная. – Могу сказать, что делал в саду мистер О'Брайен, раз уж он решил молчать. Он просил моей руки. Я отказала ему, пояснив, что обстоятельства, да и мнение моих родных, заставляют меня дать ему такой ответ, хотя не могут поколебать моего глубокого к нему уважения. Мои слова вызвали у него досаду: похоже, уважение – не то, чем он мог бы удовлетвориться. Думаю, оно и сейчас его мало волнует, – сказала она с еле заметной улыбкой, – хотя я не отказываю ему в этом и в настоящий момент. Могу поклясться, он не совершал ничего такого, о чем здесь недавно говорилось.

Лорд Гэллоуэй повернулся к дочери и, думая, что говорит вполголоса, начал ее стращать:

– Придержи язык, Мэгги, – произнес он чуть ли не оглушительным шепотом. – Зачем ты защищаешь этого молодца? Ты знаешь, где его сабля? Где вся его проклятая амуниция?..

Тут он остановился – дочь одарила его уничтожающим взглядом, словно магнит, привлечшим внимание собравшихся.

– Дурень ты старый! – сказала она низким голосом без всякого почтения к родителю. – Ты думаешь, что говоришь?! Я же только что заявила: этот человек невиновен, все это время он провел со мной. Но если он окажется виновным, от этого ничего не изменится – он все равно был со мною. Если он в это время убил человека, в чьем присутствии, по-твоему, он это сделал? Кто окажется свидетелем, если не соучастником преступления? Неужели ты ненавидишь Нейла до такой степени, что готов из-за этого погубить собственную дочь?..

Леди Гэллоуэй застонала. Всех присутствующих объял трепет – им виделись любовные драмы давно минувших лет; побледневшие лица шотландской аристократки и ее возлюбленного, ирландского искателя приключений, казались им старинными портретами в галерее какого-нибудь древнего замка. В объятой молчанием комнате витали призраки погубленных мужей и тайных любовников.

Зловещее молчание внезапно нарушил чей-то спокойный голос, задавший наивный вопрос:

– А сигара очень длинная?

Вопрос так не вязался с предшествовавшим диалогом, что все невольно стали оглядываться, пытаясь понять, кто же его задал.

– Я имею в виду сигару, которую курит мистер Блэйн, – продолжал отец Браун, устроившийся на стуле в углу комнаты. – Судя по тому, сколько это продолжается, она должна быть длинной, как трость.

Несмотря на подобное непрошеное вмешательство, на лице Валантэна отразилось не только раздражение, но и понимание.

– Вы правы! – воскликнул он, оторвав взгляд от блокнота. – Иван, сходите еще раз, поищите мистера Блэйна. Как найдете, немедленно приведите сюда.

Когда дверь за охранником закрылась, Валантэн с озабоченным выражением на лице обратился к девушке:

– Леди Маргарет, у меня нет сомнений в том, что все здесь восхищаются тем, что вы не побоялись уронить себя в глазах общества и объяснить поведение командора О'Брайена. Но есть здесь и еще один неясный момент. Лорд Гэллоуэй, насколько я понял, встретил вас, когда вы шли из кабинета в гостиную. Это произошло всего через несколько минут после того, как он покинул сад, где оставался мистер О'Брайен.

– Не забывайте, я ведь ответила Нейлу отказом, – с легкой иронией возразила леди Маргарет. – Так что вряд ли можно было ожидать, что мы вернемся рука об руку. Что ни говори, он поступил по-джентльменски – дал мне возможность вернуться первой. И тем самым навлек на себя обвинение в убийстве.

– За эти несколько минут он вполне мог... – мрачно заметил Валантэн, но закончить фразу ему не довелось.

Раздался стук в дверь, и в комнату заглянул Иван.

– Прошу прощения, мсье, но мистер Блэйн нас покинул, – доложил он.

– То есть как?! – вскочив, воскликнул Валантэн.

– Ушел. Исчез. Испарился, – ответил Иван, и французские слова в его устах прозвучали особенно забавно. – Его шляпа и пальто исчезли тоже. Кроме того, я обнаружил нечто удивительное. Когда я обежал вокруг дома в поисках следов мистера Блэйна, мне кое-что попало на глаза. Может, это и есть его «след».

– О чем вы говорите? – спросил Валантэн.

– Сейчас покажу, – отозвался охранник.

Снова выйдя в коридор, он почти сразу появился с обнаженной кавалерийской саблей, блеснувшей на свету. Конец и часть лезвия были в крови. Все смотрели на нее с ужасом, как будто это была шаровая молния, летавшая по комнате. Иван тем временем более или менее спокойно продолжал:

– Вот что я нашел, когда продирался сквозь кустарник в пятидесяти ярдах от дома, у шоссе, ведущего из нашего предместья к центру города. Короче говоря, я нашел то, что бросил впопыхах мистер Блэйн, удирая отсюда.

Снова воцарилось молчание, хотя и не такое гнетущее. Валантэн взял саблю, осмотрел ее, на несколько минут погрузился в раздумье, затем повернулся к О'Брайену.

– Командор, – сказал он уважительно, – надеюсь, вы представите эту саблю в полицию, если возникнет надобность ее осмотреть. Пока же, – добавил он, убирая клинок в ножны, – позвольте вернуть вам ваше оружие.

Сцена была поистине символической, и присутствующие с трудом удержались от рукоплесканий.

Для О'Брайена этот момент стал поворотным в жизни. К тому времени, как он снова пошел прогуляться по сокровавому саду – на сей раз озаренный сиянием разгоравшегося утра, – трагическая маска как будто спала с его лица – у него появилось немало оснований чувствовать себя счастливым. Лорд Гэллоуэй, как джентльмен, принес ему извинения; леди Маргарет же была больше чем леди – она была женщиной и, очевидно, не удовольствовавшись извинениями, предложила ирландцу кое-что еще – по крайней мере, они до завтрака довольно долго гуляли среди цветов.

Общество в целом испустило вздох облегчения и настроилось на человеколюбивый лад. Хотя тайна загадочной смерти и не разъяснилась, подозрительность больше не лежала бременем на плечах гостей – казалось, ее увез в Париж этот странный миллионер, человек, которого они почти не знали. Дьявол был изгнан из дома, вернее, бежал сам.

Однако загадка пока разгадана не была, и, когда О'Брайен плюхнулся на скамейку рядом с доктором Симоном, сей ученый муж тотчас же об этом заговорил. Но ирландец был поглощен другими думами, вернее, приятными мечтаниями, потому и ответил доктору довольно кратко – и откровенно:

– Не могу сказать, что все это меня очень интересует. Тем более сейчас, когда почти все уже ясно. Наверное, Блэйн ненавидел этого незнакомца – уж не знаю почему. Он заманил его в сад и убил моей саблей; потом удрал в Париж, бросив оружие. Кстати, Иван сказал мне, что в кармане у мертвеца нашли американский доллар. Так что он янки, как и сам Блэйн, и это, по-моему, все объясняет. Не вижу тут ничего непонятного.

– В этом деле совершенно необъяснимы пять вещей, – спокойно сказал доктор. – Это как стены в пять рядов. Поймите меня правильно, я не сомневаюсь, что совершил убийство Блэйн – его бегство, на мой взгляд, это доказывает. Но все дело в том, как он это сделал. Прежде всего, неясно, почему убийство совершено огромной саблей – легче ведь сделать это ножом, а потом спрятать его в карман. Непонятно и другое: почему не было ни шума, ни криков? Неужели убитый спокойно смотрел, как кто-то приближается к нему, размахивая саблей, и даже не вскрикнул? Третья несообразность вот такая: у входной двери весь вечер нес вахту охранник; мимо него и мышь не прошмыгнула бы, не только человек. Каким же образом тогда попал в сад убитый? И четвертая: учитывая то, о чем я только что сказал, каким образом выбрался из дома Блэйн?

– Вы назвали четыре несообразности, – сказал командор, глядя на медленно приближавшегося к ним по тропе маленького священника. – Скажите же, какая пятая.

– О, по сравнению с теми четырьмя это пустяк, – ответил доктор, – хотя и весьма странного свойства. Когда я впервые осмотрел тело, у меня создалось впечатление, что убийца нанес несколько ударов. При повторном же осмотре на шее оказалось множество зарубок. Другими словами, они появились, очевидно, *после* того, как голова была отсечена. Неужели мистер Блэйн так люто ненавидел своего врага, что рубил саблей безглавое тело?

– Жуть какая-то! – воскликнул ирландец и поежился.

Пока они говорили, патер Браун успел уже к ним подойти и теперь со свойственной ему застенчивостью дожидался паузы в разговоре.

– Простите, что вмешиваюсь, – проговорил он наконец как-то сбивчиво. – Меня просили сообщить вам новости.

– Какие новости? – уставился на него доктор из-за стекол своих очков.

– Дело в том, – кротко сказал отец Браун, – что произошло еще одно убийство.

Двое мужчин так резко вскочили, что скамейка аж подпрыгнула.

– Но самое странное, – продолжал маленький священник, уставив взгляд на кусты рододендрона, – что убийство это совершено так же, как и первое, – снова найдена отрубленная голова, на сей раз в реке, чуть дальше по парижскому шоссе. Из раны еще течет кровь, поэтому они думают, что...

– Господи помилуй! – вскричал ирландец. – Да что этот Блэйн, маньяк?!

– В некоторых слоях американского общества, знаете ли, принята вендетта, – бесстрастно отозвался патер Браун и добавил: – Вас обоих просят пройти в библиотеку и кое на что взглянуть.

Командор О'Брайен проследовал за доктором и священником в комнату, где проводилось дознание. Настроение у него испортилось. Как и все солдаты, он питал отвращение к тайным убийствам. Когда же кончатся эти жуткие усекновения голов? Сначала одна, потом другая, с горечью думал он. И ведь в данном случае не скажешь, как в пословице: одна голова – хорошо, две – лучше. Войдя в библиотеку, ирландец вздрогнул при виде неожиданного зрелища: на столе начальника полиции лежала цветная картинка и на ней была изображена еще одна кровачатая отрубленная голова – третья! И это была голова самого Валантэна! Офицер при-

гляделся – и увидел, что это всего лишь газета, орган партии националистов, называющийся «Гильотина». Каждую неделю лихие газетчики изображали на первой странице своего издания голову одного из политических противников с закатывшимися глазами и искаженными чертами, как будто после казни. Валантэн, будучи воинствующим атеистом, не избежал подобной участи.

О'Брайен, как большинство ирландцев, при всех своих недостатках (или даже пороках) был по-детски простодушен, и подобное «интеллектуальное» глумление над соперником, на которое, кстати, способны лишь французы, вызвало у него глубокое отвращение. Он воспринимал Париж как единое целое – начиная с гротескного уродства химер собора Нотр-Дам и вплоть до непристойных карикатур в газетах. Он вспомнил зловещий комизм Французской революции. Город виделся ему сгустком сатанинской энергии – от кровавой картинки на столе Валантэна до фантастических чудищ на водосточных трубах готических зданий и злобной ухмылки огромного каменного дьявола, украшающего Нотр-Дам.

Библиотека была полутемной прямоугольной комнатой с низким потолком; свет пробивался сюда из-под опущенных штор; он имел слегка красноватый оттенок – солнце вошло совсем еще недавно. Валантэн и его помощник ожидали пришедших у дальнего конца стола – длинного, чуть наклонного. На столе лежали человеческие останки, при слабом освещении выглядевшие неестественно большими. Огромное черное туловище и желтое лицо покойника, найденного в саду, произвели на вошедших то же впечатление, что и вечером. Еще одна голова, которую обнаружили в реке среди камышей, лежала рядом; с нее капала вода, смешанная с кровью. Подручные Валантэна все еще искали безглавое тело второго покойника, надеясь выловить его в реке. Отец Браун, который не был так чувствителен, как командор, подошел к столу и стал внимательно осматривать голову второго покойника, по своему обыкновению, часто моргая. Волос на этой голове было немного, они топорщились мокрыми седыми космами и в бледно-розовом утреннем свете казались сребротканой бахромой. Лицо же – багровое, уродливое, с запечатлевшимися на нем следами страстей, быть может, преступных, – было все избито камнями или корнями деревьев, когда головою играл прибой.

– Доброе утро, командор О'Брайен, – спокойно и приветливо заговорил начальник полиции. – Ну что, слышали вы о том, как наш приятель Блэйн еще раз выступил в роли мясника?

Отец Браун, все еще склонившийся над седовласой головой, проговорил, не глядя на Валантэна:

– У вас, кажется, нет сомнений, что эту голову тоже отсек Блэйн?

– По всему выходит, что так, – ответил начальник полиции, засунув руки в карманы. – Убийство совершено так же, как предыдущее, тем же оружием, да и покойник обнаружен рядом.

– Да-да, я все понимаю, – кротко проговорил маленький священник. – И все же, представьте себе, сомневаюсь, что это второе убийство совершил Блэйн.

– Почему? – поинтересовался доктор Симон, пристально глядя на отца Брауна.

– Как по-вашему, доктор, – сказал тот, подняв голову и непроизвольно моргнув, – может ли человек сам себя обезглавить? Что-то я себе этого не представляю.

О'Брайену показалось, будто перед ним разорвалась бомба; доктор же вскочил, стремительно подошел к столу и отбросил с мертвого лица прядь седых волос.

– О, это Блэйн, ошибки быть не может, – спокойно сказал маленький священник. – У него точно такой шрам на левом ухе.

Валантэн стиснул зубы и уставил на отца Брауна пристальный взгляд своих блестящих глаз, затем недовольно заметил:

– Похоже, вы многое о нем знаете, отец Браун!

– Это действительно так, – просто ответил тот. – Мы много беседовали с ним в последние несколько недель. Он подумывал о том, чтобы присоединиться к нашей церкви.

Глаза Валантэна загорелись безумным огнем; он сжал кулаки и подступил к священнику.

– Так, может, он и деньги свои подумывал передать вашей церкви?! – спросил он со злобной усмешкой.

– Не исключено, – флегматично ответил отец Браун. – Даже вполне возможно.

– В таком случае вы действительно должны много о нем знать! О его жизни и...

Командор О'Брайен положил руку на плечо француза и веско проговорил:

– Перестаньте говорить гадости, Валантэн, иначе снова засверкают сабли!

Однако начальник полиции успел уже снова взять себя в руки.

– Что ж, – заявил он, – разглашать пока ничего не будем. Вы, господа, не забывайте о своем обещании не выходить из этого дома. Постарайтесь с этим смириться. Иван будет держать вас в курсе дела, я же должен вернуться к работе и написать отчет для префектуры. Откладывать это долее нельзя. Если захотите мне что-нибудь сообщить, я у себя в кабинете.

Начальник полиции вышел. Доктор Симон спросил его помощника:

– Удалось узнать что-нибудь еще?

– Только одну вещь, мсье, – ответил Иван, морща свое землисто-бледное стариковское лицо, – но, сдается мне, довольно любопытную. Этот старый хрыч, которого вы нашли в саду, – тут он без всякого пиетета к покойнику показал пальцем на массивное тело в черном костюме, – так вот, мы узнали-таки, кто он такой.

– Да ну! – воскликнул удивленный доктор. – И кто же?

– Имя его Арнольд Беккер, – ответил помощник Валантэна, – хотя прозвища он менял, как перчатки. Это был отъявленный мерзавец, он какое-то время жил в Америке; там-то Блэйн ему чем-то и досадил. Нам с Беккером возиться не пришлось – он обретался все больше в Германии. Мы, конечно, связались с немецкой полицией. Удивительнее всего, что у этого человека был брат-близнец, которого звали Луи – Луи Беккер. Вот он как раз довольно долго задавал нам жару. Наконец его приговорили к смерти и на вчерашний день назначили казнь. Скажу вам честно, господа, увидев, как голова этого типа покатилась в корзину, я подпрыгнул от радости. Если б я не присутствовал при казни, то готов был бы поклясться, что перед нами труп Луи Беккера. Потом, конечно, я вспомнил о его брате-близнеце в Германии, и это помогло мне разобраться...

Иван оборвал свою многословную речь, поскольку заметил: его никто не слушает. О'Брайен и доктор уставились на маленького священника, который вдруг вскочил и сжал ладонями виски, как человек, терзаемый внезапной острой болью.

– Хватит! Довольно! Остановитесь! – восклицал он. – Подождите минуту! Мне понятно пока не все! Дарует ли мне силы Всевышний? Позволит ли внезапное озарение моему разуму постигнуть все в целом? Боже, помоги мне! Раньше я неплохо умел соображать, мог пересказывать любую главу, вспомнить любую страницу сочинений Фомы Аквинского. Расколется ли моя голова – или я пойму суть дела? Я понимаю пока лишь половину, все в целом же осмыслить не могу!

Он обхватил руками голову и стоял в напряженной позе, то ли мучительно размышляя, то ли творя молитву; прочим же оставалось лишь удивленно лицезреть сие последнее за этот безумный день удивительное происшествие.

Когда маленький священник наконец опустил руки, лицо его было по-детски серьезно, черты разгладились. Глубоко вздохнув, он сказал:

– Что ж, давайте подводить итоги. Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше. Мне пришло в голову, каким образом вам проще будет вникнуть в суть дела. – Он повернулся к врачу: – Доктор Симон, у вас отлично развито логическое мышление. Сегодня утром мне довелось слышать, как вы задали пять вопросов относительно несообразностей этой загадочной истории. Если вы любезно согласитесь их повторить, я на них отвечу.

Удивленный доктор недоверчиво покачал головой и чуть было не потерял пенсне; однако заговорил сразу:

– Итак, первый вопрос, если помните, таков: почему злоумышленник совершил убийство огромной саблей, хотя проще было воспользоваться ножом?

– Ножом человека нельзя обезглавить, – спокойно ответил отец Браун. – А для убийцы отрубить жертве голову было совершенно необходимо.

– Почему? – с интересом спросил О'Брайен.

– Теперь второй вопрос, – не ответив ирландцу, сказал священник.

– Отчего убитый не кричал, не издал даже никакого возгласа? – продолжал доктор. – Ведь появление в саду человека с обнаженной саблей – событие довольно необычное, оно должно было напугать жертву.

– Помните веточки на траве? – мрачно спросил отец Браун и повернулся к окну, из которого открывался вид на лужайку, где произошло убийство. – Никто не обратил на них никакого внимания. А они ведь лежали посреди лужайки, очень далеко от деревьев. Почему? К тому же, если присмотреться к ним, видно, что они были не разломаны на мелкие кусочки, а нарублены. Убийца отвлек внимание спутника, показывая какие-то фокусы с саблей, должно быть, демонстрируя, как можно перерубить ветку на лету; когда же тот нагнулся, чтобы оценить результат, достаточно было одного сильного удара саблей – и голова оказалась отсечена.

– М-да, – медленно проговорил доктор. – Это похоже на правду. Но следующие два вопроса поставят в тупик кого угодно.

Отец Браун молча стоял у окна и глядел на лужайку.

– Вам известно, что сад обнесен глухой стеной, а вход в дом находится под контролем охранника, – снова заговорил доктор. – Так что сад отгорожен от внешнего мира, словно вакуумная камера. Как же туда попал посторонний, встретивший там смерть?

Не поворачиваясь, маленький священник отозвался:

– В саду не было никаких посторонних.

Воцарилось молчание, затем атмосферу разрядил странный, кудахчущий, какой-то детский смех Ивана – он посчитал последнюю реплику нелепой и не удержался от издевки.

– А-а! – воскликнул он. – Так значит, мы не волочили вчера этот огромный тяжеленный труп, не укладывали его на кушетку?! Этого человека, по-вашему, не было в саду?

– Не было в саду? – машинально повторил отец Браун. – Да нет, он там был, но не весь.

– Дьяволыщина! – вскричал доктор Симон. – Человек либо находится в саду, либо его там нет.

– Не обязательно, – отозвался маленький священник, и улыбка скользнула по его устам. – Ваш следующий вопрос, доктор.

– По-моему, вы не в себе, – с сердцем воскликнул доктор. – Но если вы так настаиваете, вопрос я задам. Каким образом Блэйн вышел из сада?

– Он оттуда не выходил, – ответил Браун, все еще глядя в окно.

– Не выходил?! – взревел доктор.

– Впрочем, можно сказать, что вышел, но не весь.

Симон, чья чисто французская логика мышления не выдержала последнего тезиса, потряс кулаками в воздухе:

– Человек либо выходит из сада, либо не выходит!

– Не всегда, – откликнулся священник.

Доктор нетерпеливо вскочил.

– Не желаю тратить время на пустую болтовню, – яростно воскликнул он. – Если вы не понимаете, что человек может находиться либо по одну сторону стены, либо по другую, мне не о чем больше с вами говорить.

– Доктор, – мягко произнес патер Браун, – мы с вами всегда неплохо ладили. Будьте добры, не уходите и задайте пятый вопрос. Хотя бы во имя нашей старой дружбы.

Импульсивный доктор бросился в кресло у самой двери и сказал:

– На голове и шее жертвы видны какие-то странные рубцы. Похоже, нанесенные после того, как голова была отсечена.

– Верно, – проговорил маленький священник, не меняя позы. – Это сделано для того, чтобы вас обмануло то, что в конечном счете вас и обмануло. Чтобы вы уверились в том, что голова и тело раньше составляли единое целое.

Пограничье разума, где рождаются чудовища, неотвратимо затопляло темную кельтскую душу О'Брайена. Ему представлялся безумный хоровод кентавров, русалок, всех сказочных монстров, которых когда-либо порождало неисчерпаемое человеческое воображение. Голос праотцев звучал в его ушах: «Избегай проклятого сада, где деревья рожают двуликие плоды. Отринь сад зла, где встретил смерть человек с двумя головами». И все же, пока происходило это прискорбное мелькание призраков в древнем затуманенном зеркале ирландской души, офранцузившийся ум О'Брайена был начеку – командор взирал на странного маленького человека так же пристально и недоверчиво, как и остальные.

Отец Браун наконец отвернулся от окна; лицо его оказалось в густой тени, но, несмотря на это, все присутствующие заметили: оно бледно, как пепел. Вот он заговорил, и слова его, вопреки всему, звучали взвешенно, словно не было на свете впечатлительных кельтских душ.

– Господа, – сказал он, – хочу заявить: мы с вами вовсе не обнаружили в саду труп незнакомого человека – Беккера. Это вообще не тело неизвестного. Перед лицом трезвомыслящего доктора Симона я все же утверждаю: Беккер в саду был не весь. Взгляните-ка сюда, – сказал маленький священник, указывая на огромное мертвое тело в черном фраке. – Этого человека вы никогда в жизни не видели, так? Ну, а *этого* вы видели?

Маленький священник быстро откатил голову незнакомца с желтоватой лысиной и приставил к туловищу седую взлохмаченную голову, лежавшую неподалеку.

Перед собравшимися, без всякого сомнения, лежало составлявшее некогда единое целое тело миллионера Джулиуса К. Блэйна.

– Убийца отрубил ему голову, – спокойно продолжал отец Браун, – и перебросил саблю через стену. Но он был человеком очень умным, и потому вслед за саблей последовало и еще кое-что. А именно, голова жертвы. Убийце осталось лишь приставить к туловищу другую голову – и готово! – вы решили, что перед вами труп незнакомца человека.

– Приставить другую голову! – воскликнул О'Брайен, вытаращив глаза. – Какую голову? Можно подумать, головы растут на деревьях!

– Нет, – хрипло ответил маленький священник, разглядывая свои ботинки, – на деревьях они не растут, но я могу назвать место, где они имеются в изобилии. Это корзина у гильотины, около которой мсье Аристид Валантэн, начальник полиции, стоял всего за час до убийства. Подождите, друзья мои, послушайте меня еще одну минуту, прежде чем разорвать на клочки. Валантэн – человек честный, если это понятие применимо к тому, кто страдает мономанией. Неужели вы не замечали в его холодных серых глазах искру безумия? А помешался он вот на чем: ему не терпелось сделать все, да-да, все, чтобы избавить мир от того, что он называл «зловещей тенью креста». За это он боролся, не боясь лишений и голода, ради этого он убил. До недавнего времени шальные миллионы Блэйна распределялись между столь многими сектами, что не могли изменить положения вещей. Однако до Валантэна дошел слух, что Блэйн, как и многие легкомысленные скептики, склоняется к католической вере, а это уже совсем другое дело. Деньги Блэйна влили бы свежие соки в жилы обнищавшей, но не утратившей боевого задора французской церкви. Миллионер поддержал бы, в частности, шесть газет французских националистов, таких как «Гильотина». Судьба сражения висела на волоске, и этот фанатик вознамерился собственноручно решить исход дела. Перед ним стояла задача устранить Блэйна,

и справился он с ней мастерски. Если б величайшему в мире детективу надо было совершить убийство, он бы обставил все именно так. Забрав отрубленную голову Луи Беккера якобы на криминологическую экспертизу, он спрятал ее в чемоданчик и унес домой. Оставшись с глазу на глаз с миллионером в гостиной, хозяин дома затеял с ним какой-то спор – лорд Гэллоуэй к тому времени уже покинул комнату и не мог слышать их разговора. Затем Валантэн вывел гостя в сад, завел разговор о холодном оружии, продемонстрировал, как можно саблей разрубить ветку в воздухе, и когда тот нагнулся...

Тут разъяренный Иван вскочил и завизжал:

– Да вы спятили! Я сейчас отведу вас к хозяину, даже силком потащу, если понадобится!

– А я как раз к нему и собираюсь, – сурово проговорил священник. – Мой долг – спросить его, не хочет ли он облегчить душу покаянием.

Все присутствующие нестройными рядами ринулись в кабинет Валантэна. Отец Браун оказался впереди – словно заложник или обреченная на заклание жертва.

Кабинет встретил их гробовой тишиной. Великий детектив сидел за письменным столом, очевидно, слишком поглощенный делом, чтобы хоть как-то прореагировать на неожиданное и сумбурное вторжение гостей. Они выждали несколько мгновений, затем доктор, уловив нечто подозрительное в слишком прямой линии спины сидящего, метнулся к столу.

Прежде всего ему бросилась в глаза маленькая коробочка с пилюлями возле локтя Валантэна. Доктор взглянул на хозяина дома, коснулся его руки – и понял: этот человек мертв. На лице самоубийцы, взиравшего на мир невидящими глазами, запечатлелась гордость, пре-восходящая гордость Катона⁴.

⁴ Катон Марк Утический (95–46 до н. э.) – римский патриций, стоик, соперник Юлия Цезаря; потерпел поражение от последнего в битве при Тапсе, после чего покончил с собой, бросившись на меч.

Странные шаги

Если вы встретите члена привилегированного клуба «Двенадцать верных рыболовов», входящего в Вернон-отель на свой ежегодный обед, то, когда он снимет пальто, вы заметите, что на нем не черный, а зеленый фрак. Предположим, у вас хватит дерзости обратиться к нему и вы спросите его, чем вызвана эта причуда. Тогда, возможно, он ответит вам, что одевается так, чтобы его не приняли за лакея. Вы отойдете уничтоженный, оставляя неразгаданной тайну, достойную того, чтобы о ней рассказать.

Если (продолжая наши неправдоподобные предположения) вам случится встретить скромного труженика, маленького священника по имени Браун, и вы спросите, что он считает величайшей удачей своей жизни, он, по всей вероятности, ответит вам, что самым удачным был случай в Вернон-отеле, где он предотвратил преступление, а возможно, и спас грешную душу только тем, что прислушался к шагам в коридоре. Может быть, он даже слегка гордится своей удивительной догадливостью и, скорее всего, сошлется именно на нее. Но так как вам, конечно, не удастся достигнуть такого положения в высшем свете, чтобы встретиться с кем-либо из «Двенадцати верных рыболовов», или опуститься до мира трущоб и преступлений, чтобы встретить там отца Брауна, то, боюсь, вы никогда не услышите этой истории, если я вам ее не расскажу.

Вернон-отель, в котором «Двенадцать верных рыболовов» обычно устраивали свои ежегодные обеды, принадлежал к тем заведениям, которые могут существовать лишь в олигархическом обществе, где здравый смысл заменен требованиями хорошего тона. Он был – как это ни абсурдно – «единственным в своем роде», то есть давал прибыль, не привлекая, а, скорее, отпугивая публику.

В обществе, подпавшем под власть богачей, торгаши проявили должную смекалку и перехитрили свою клиентуру.

Они создали множество препон, чтобы богатые и пресыщенные завсегдатаи могли тратить деньги и время на их преодоление. Если бы существовал в Лондоне такой фешенебельный отель, куда не впускали бы ни одного человека ростом ниже шести футов, высшее общество стало бы покорно устраивать там обеды, собирая на них исключительно великанов. Если бы существовал дорогой ресторан, который, по капризу своего хозяина, был бы открыт только во вторник вечером, каждый вторник он ломился бы от посетителей. Вернон-отель незаметно притулился на углу площади в Бельгравии. Он был не велик и не очень комфортабелен, но само его неудобство рассматривалось как достоинство, ограждающее избранных посетителей.

Из всех неудобств особенно ценилось одно: в отеле одновременно могло обедать не более двадцати четырех человек. Единственный обеденный стол стоял под открытым небом, на веранде, выходившей в один из красивейших старых садов Лондона. Таким образом, даже этими двадцатью четырьмя местами можно было пользоваться только в хорошую погоду, что, еще более затрудняя удовольствие, делало его тем более желанным. Владелец отеля, по имени Левер, заработал почти миллион именно тем, что сделал доступ в него крайне затруднительным. Понятно, он умело соединил недоступность своего заведения с самой тщательной заботой о его изысканности. Вина и кухня были поистине европейскими, а прислуга была вышколена в точном соответствии с требованиями английского высшего света. Хозяин знал лакеев как свои пять пальцев. Их было всего пятнадцать. Гораздо легче было стать членом парламента, чем лакеем в этом отеле.

Каждый из них прошел курс молчания и исполнительности и был вышколен не хуже, чем личный камердинер истого джентльмена. Обычно на каждого обедающего приходилось по одному лакею.

Клуб «Двенадцать верных рыболовов» не согласился бы обедать ни в каком другом месте, так как он требовал полного уединения, и все его члены были бы крайне взволнованы при одной мысли, что другой клуб в тот же день обедает в том же здании. Во время своего ежегодного обеда рыболовы привыкли выставлять все свои сокровища, словно они обедали в частном доме; особенно выделялся знаменитый прибор из рыбных ножей и вилок, своего рода реликвия клуба. Серебряные ножи и вилки были отлиты в форме рыб, и ручки их украшали массивные жемчужины. Прибор этот подавали к рыбной перемене, а рыбное блюдо было самым торжественным моментом торжественного пира. Общество соблюдало целый ряд церемоний и ритуалов, но не имело ни цели, ни истории, в чем и заключалась высшая степень его аристократизма. Для того чтобы стать одним из двенадцати рыболовов, особых заслуг не требовалось; но если человек не принадлежал к определенному кругу, он никогда и не услышал бы об этом клубе. Клуб существовал уже целых двенадцать лет. Президентом его был мистер Одли. Вице-президентом – герцог Честерский.

Если я хоть отчасти сумел передать атмосферу неприступного отеля, читатель, естественно, может поинтересоваться, откуда же я знаю все это и каким образом такая заурядная личность, как мой друг – отец Браун, оказалась в столь избранной компании. Ответ мой будет прост и даже банален. В мире есть очень древний мятежник и демагог, который врывается в самые сокровенные убежища с ужасным сообщением, что все люди братья, и где бы ни появился этот всадник на коне бледном, дело отца Брауна – следовать за ним. Одного из лакеев, итальянца, хватил паралич в самый день обеда, и хозяин, исполняя волю умирающего, велел послать за католическим священником. Умирающий просил исполнить свою последнюю волю: озаботиться немедленной отправкой письма, которое заключало, должно быть, какое-то признание или заглаживало причиненное кому-то зло. Как бы то ни было, отец Браун – с кроткой настойчивостью, которую, впрочем, он проявил бы и в самом Бекингемском дворце, – попросил, чтобы ему отвели комнату и дали письменные принадлежности. Мистер Левер раздирался надвое. Он был мягок, но обладал и обратной стороной этого качества – терпеть не мог всяких сцен и затруднений. А в тот вечер присутствие постороннего было подобно грязному пятну на только что отполированном серебре.

В Вернон-отеле не было ни смежных, ни запасных помещений, ни ожидающих в холле посетителей или случайных клиентов. Было пятнадцать лакеев. И двенадцать гостей. Встретить в тот вечер чужого было бы не менее потрясающе, чем познакомиться за семейным завтраком со своим собственным братом. К тому же наружность у священника была слишком заурядна, одежда слишком потрепана; один вид его, просто мимолетный взгляд на него, мог привести отель к полному краху. Наконец мистер Левер нашел выход, который если и не уничтожал, то, по крайней мере, прикрывал позор. Если вы проникнете в Вернон-отель (что, впрочем, вам никогда не удастся), сперва вам придется пройти короткий коридор, увешанный потемневшими, но, надо полагать, ценными картинами, затем – главный вестибюль, откуда один проход ведет направо, в гостиные, а другой – налево, в контору и кухню. Тут же, у левой стены вестибюля, стоит углом большая стеклянная будка, как бы дом в доме; вероятно, раньше в ней находился бар. Теперь тут контора, где сидит помощник Левера (в этом отеле никто никогда не попадает на глаза без особой нужды); а позади, по дороге к помещению прислуги, находится мужская гардеробная, последняя граница господских владений. Но между конторой и гардеробной есть еще одна маленькая комнатка, без выхода в коридор, которой хозяин иногда пользуется для щекотливых и важных дел, – например, дает в долг какому-нибудь герцогу тысячу фунтов или отказывается одолжить ему шесть пенсов. Мистер Левер выказал высшую терпимость, позволив простому священнику осквернить это священное место и написать там письмо. То, что писал отец Браун, было, вероятно, много интереснее моего рассказа, но никогда не увидит света. Я могу лишь отметить, что тот рассказ был не короче моего и что две-три последние страницы были, очевидно, скучнее прочих.

Дойдя до них, отец Браун позволил своим мыслям отвлечься от работы, а своим чувством (обычно достаточно острым) пробудиться от оцепенения. Смеркалось. Близилось время обеда. В уединенной комнатке почти стемнело, и, возможно, сгущавшаяся тьма до чрезвычайности обострила его слух. Когда отец Браун дописывал последнюю страницу, он поймал себя на том, что пишет в такт доносившимся из коридора звукам, как иногда в поезде думаешь под стук колес. Когда он понял это и прислушался, он убедился, что шаги – самые обыкновенные, просто кто-то ходит мимо двери, как нередко бывает в гостиницах. Тем не менее он устоялся в темнеющий потолок и прислушался снова. Через несколько секунд он поднялся и стал вслушиваться еще внимательней, слегка склонив голову набок. Потом снова сел и, подперев голову, слушал и размышлял.

Шаги в коридоре отеля – дело обычное, но эти шаги казались в высшей степени странными. Больше ничего не было слышно, дом был на редкость тихий – немногочисленные гости немедленно расходились по своим комнатам, а тренированные лакеи были невидимы и неслышимы, пока их не вызывали. В этом отеле меньше всего можно было ожидать чего-нибудь необычного. Однако эти шаги казались настолько странными, что слова «обычный» и «необычный» не подходили к ним. Отец Браун как бы следовал за ними, постукивая пальцами по краю стола, словно пианист, разучивающий фортепьянную пьесу.

Сперва слышались быстрые мелкие шажки, не переходившие, однако, в бег, – так мог бы идти участник состязания по ходьбе. Вдруг они прерывались и становились мерными, степенными, раза в четыре медленнее предыдущих. Едва затихал последний медленный шаг, как снова слышалась частая, торопливая дробь и затем опять замедленный шаг грузной походки. Шагал, безусловно, один и тот же человек – и при медленной ходьбе, и при быстрой одинаково поскрипывала обувь. Отец Браун был не из тех, кто постоянно задает себе вопросы. Но от этого, казалось бы, простого вопроса у него чуть не лопалась голова. Он видел, как разбегаются, чтобы прыгнуть; он видел, как разбегаются, чтобы прокатиться по льду. Но зачем разбегаться, чтобы перейти на медленный шаг? Для чего идти, чтобы потом разбежаться? И в то же время именно это проделывали невидимые ноги. Их обладатель очень быстро пробегал половину коридора, чтобы медленно проследовать по другой половине; медленно доходил до половины коридора, с тем чтобы доставить себе удовольствие быстро пробежать другую половину. Оба предположения не имели ни малейшего смысла. В голове отца Брауна, как и в комнате, становилось все темнее и темнее.

Однако, когда он сосредоточился, сама темнота каморки словно окрылила его мысль. Фантастические ноги, шагавшие по коридору, стали представляться ему в самых неестественных или символических положениях. Может быть, это языческий ритуальный танец? Или новое гимнастическое упражнение? Отец Браун упорно обдумывал, что бы могли означать эти шаги. Медленные шаги, безусловно, не принадлежали хозяину. Люди его склада ходят быстро и деловито или не трогаются с места. Это не мог быть также ни лакей, ни посыльный, ожидающий распоряжений. В олигархическом обществе неимущие ходят иной раз вразвалку – особенно когда выпьют, но много чаще, особенно в таких местах, они стоят или сидят в напряженной позе. Нет, тяжелый и в то же время упругий шаг, не особенно громкий, но и не считающийся с тем, какой шум он производит, мог принадлежать лишь одному обитателю земного шара: так ходит западноевропейский джентльмен, который, по всей вероятности, никогда не зарабатывал себе на жизнь.

Как раз когда отец Браун пришел к этому важному заключению, шаг снова изменился и кто-то торопливо, по-крысиному, пробежал мимо двери. Однако, хотя шаги стали гораздо быстрее, шума почти не было, точно человек бежал на цыпочках. Но отцу Брауну не почудилось, что тот хочет скрыть свое присутствие, – для него звуки связывались с чем-то другим, чего он не мог припомнить. Эти воспоминания, от которых можно было сойти с ума, наконец вывели его из равновесия. Он был уверен, что слышал где-то эту странную быструю походку, –

и не мог припомнить, где именно. Вдруг у него мелькнула новая мысль; он вскочил и подошел к двери. Комната его не сообщалась непосредственно с коридором: одна дверь вела в застекленную контору, другая – в гардеробную. Дверь в контору была заперта. Он посмотрел в окно, светлевшее во мраке резко очерченным четырехугольником, полным сине-багровых облаков, озаренных зловещим светом заката, и на мгновение ему показалось, что он чует зло, как собака чует крысу.

Разумное (не знаю, благоразумное ли) начало победило. Он вспомнил, что хозяин запер дверь, обещав прийти попозже и выпустить его. Он убеждал себя, что двадцать разных причин, которые не пришли ему в голову, могут объяснить эти странные шаги в коридоре. Он напомним себе о недоконченной работе и о том, что едва успеет дописать письмо засветло. Пересев к окну, поближе к угасавшему свету мятежного заката, он снова углубился в работу. Он писал минут двадцать, все ниже склоняясь к бумаге, по мере того как становилось темнее, потом внезапно выпрямился. Снова послышались странные шаги. На этот раз прибавилась третья особенность. Раньше незнакомец ходил, ходил легко и удивительно быстро, но все же ходил. Теперь он бегал. По коридору слышались частые, быстрые, скачущие шаги, словно прыжки мягких лап пантеры. Чувствовалось, что бегущий – сильный, энергичный человек, взволнованный, однако сдерживающий себя. Но едва лишь, прошелестев, словно смерч, он добежал до конторы, снова послышался медленный, размеренный шаг.

Отец Браун отбросил письмо и, зная, что дверь в контору закрыта, прошел в гардеробную, по другую сторону комнаты. Служитель временно отлучился, должно быть, потому, что все гости уже собрались, давно сидели за столом и его присутствие не требовалось. Пробравшись сквозь серый лес пальто, священник заметил, что полутемную гардеробную отделяет от ярко освещенного коридора барьер, вроде прилавка, через который обычно передают пальто и получают номерки. Как раз над аркой этой двери горела лампа. Отец Браун был едва освещен ею и темным силуэтом вырисовывался на фоне озаренного закатом окна. Зато весь свет падал на человека, стоявшего в коридоре.

Это был элегантный мужчина, в изысканно простом вечернем костюме, высокий, но хорошо сложенный и гибкий; казалось, там, где он проскользнул бы как тень, люди меньшего роста были бы заметнее его. Ярко освещенное лицо его было смугло и оживленно, как у иностранца-южанина. Держался он хорошо, непринужденно и уверенно. Строгий критик мог бы отметить разве только, что его фрак не вполне соответствовал стройной фигуре и светским манерам, был несколько мешковат и как-то странно топорщился. Едва увидев на фоне окна черный силуэт отца Брауна, он бросил на прилавок номерок и с дружелюбной снисходительностью сказал:

– Пожалуйста, шляпу и пальто. Я ухожу.

Отец Браун молча взял номерок и пошел отыскивать пальто. Найдя, он принес его и положил на прилавок; незнакомец порылся в карманах и сказал, улыбаясь:

– У меня нет серебра. Возьмите вот это, – и, бросив золотой полусоверен, он взялся за пальто.

Отец Браун неподвижно стоял в темноте, и вдруг он потерял голову. С ним это случалось; правда, глупей от этого он не становился, скорее наоборот. В такие моменты, сложив два и два, он получал четыре миллиона. Католическая церковь (согласная со здравым смыслом) не всегда одобряла это. Он сам не всегда это одобрял. Но порой на него находило истинное вдохновение, необходимое в отчаянные минуты: ведь потерявший голову свою да обретет ее.

– Мне кажется, сэр, – сказал он вежливо, – в кармане у вас все же есть серебро.

Высокий джентльмен уставился на него.

– Что за чушь! – воскликнул он. – Я даю вам золото, чем же вы недовольны?

– Иной раз серебро дороже золота, – скромно сказал священник. – Я хочу сказать – когда его много.

Незнакомец внимательно посмотрел на него. Потом еще внимательней глянул вдоль коридора. Снова перевел глаза на отца Брауна и с минуту смотрел на светлевшее позади него окно. Наконец решившись, он взялся рукой за барьер, перескочил через него с легкостью акробата и, нагнувшись к крохотному Брауну, огромной рукой сгреб его за воротник.

– Тихо! – сказал он отрывистым шепотом. – Я не хочу вам грозить, но...

– А я буду грозить вам, – перебил его отец Браун внезапно окрепшим голосом. – Грозить червем неумирающим и огнем неугасающим.

– Чудак! Вам не место здесь, – сказал незнакомец.

– Я священник, мсье Фламбо, – сказал Браун, – и готов выслушать вашу исповедь.

Высокий человек задохнулся, на мгновение замер и тяжело опустился на стул.

Первые две перемены обеда «Двенадцати верных рыболовов» следовали одна за другой без всяких помех и задержек. Копии меню у меня нет, но если бы она и была, все равно бы вы ничего не поняли. Меню было составлено на ультрафранцузском языке поваров, непонятном для самих французов. По традиции клуба, закуски были разнообразны и сложны до безумия. К ним отнеслись вполне серьезно, потому что они были бесполезным придатком, как и весь обед, как и сам клуб. По той же традиции суп подали легкий и простой – все это было лишь введением к предстоящему рыбному пиру. За обедом шел тот странный, порхающий разговор, который предreshает судьбы Британской империи, столь полный намеков, что рядовой англичанин едва ли понял бы его, даже если бы и подслушал. Министров величали по именам, упоминая их с какой-то вялой благосклонностью. Радикального министра финансов, которого вся партия тори, по слухам, ругала за вымогательство, здесь хвалили за слабые стишки или за посадку в седле на псовой охоте. Вождь тори, которого всем либералам полагалось ненавидеть как тирана, подвергался легкой критике, но о нем отзывались одобрительно, как будто речь шла о либерале. Каким-то образом выходило, что политики – люди значительные, но значительно в них все, что угодно, кроме их политики. Президентом клуба был добродушный пожилой мистер Одли, все еще носивший старомодные воротнички времен Гладстона. Он казался символом этого призрачного и в то же время устойчивого общественного уклада. За всю свою жизнь он ровно ничего не сделал – ни хорошего, ни даже дурного; не был ни расточителен, ни особенно богат. Он просто всегда был «в курсе дела». Ни одна партия не могла обойти его, и если бы он вздумал стать членом кабинета, его, безусловно, туда ввели бы. Вице-президент, герцог Честерский, был еще молод и подавал большие надежды. Иными словами, это был приятный молодой человек с прилизанными русыми волосами и веснушчатым лицом. Он обладал средними способностями и несметным состоянием. Его публичные выступления были всегда успешны, хотя секрет их был крайне прост. Если ему в голову приходила шутка, он высказывал ее, и его называли остроумным. Если же шутки не подвертывалось, он говорил, что теперь не время шутить, и его называли глубокомысленным. В частной жизни, в клубе, в своем кругу он был радушен, откровенен и наивен, как школьник. Мистер Одли, никогда не занимавшийся политикой, относился к ней несравненно серьезнее. Иногда он даже смущал общество, намекая на то, что существует некоторая разница между либералом и консерватором. Сам он был консерватором даже в частной жизни. Его длинные седые кудри скрывали на затылке старомодный воротничок, точь-в-точь как у бывших государственных мужей, и со спины он выглядел человеком, на которого может положиться империя. А спереди он казался тихим, любящим комфорт холостяком, из тех, что снимают комнаты в Олбени, – таким он и был на самом деле.

Как мы уже упоминали, за столом на веранде было двадцать четыре места, но сидело всего двенадцать членов клуба. Все они весьма удобно разместились по одну сторону стола, и перед ними открывался вид на весь сад, краски которого все еще были яркими, хотя вечер и кончался несколько хмуро для этого времени года. Президент сидел у середины стола, а вице-президент – у правого конца. Когда двенадцать рыболовов подходили к столу, все пят-

надцать лакеев должны были (согласно неписаному клубному закону) чинно выстраиваться вдоль стены, как солдаты, встречающие короля. Толстый хозяин должен был стоять тут же, сияя от приятного удивления, и кланяться членам клуба, словно он раньше никогда не слышал о них. Но при первом же стуке ножей и вилок вся эта наемная армия исчезала, оставляя одного или двух лакеев, бесшумно скользивших вокруг стола и незаметно убиравших тарелки. Мистер Левер тоже скрывался, весь извиваясь в конвульсиях вежливых поклонов. Было бы преувеличением, даже прямой клеветой сказать, что он может появиться снова. Но когда подавалось главное, рыбное блюдо, тогда – как бы мне выразить это получше? – тогда казалось, что где-то парит ожившая тень или отражение хозяина. Священное рыбное блюдо было (конечно, для непосвященного взгляда) огромным пудингом, размером и формой напоминавшим свадебный пирог, в котором несметное количество разных видов рыбы вконец потеряло свои естественные свойства. «Двенадцать верных рыболовов» вооружались знаменитыми ножами и вилками и приступали к пудингу с таким благоговением, словно каждый кусочек стоил столько же, сколько серебро, которым его ели. И, судя по тому, что мне известно, так оно и было. С этим блюдом расправлялись молча, жадно и с полным сознанием важности момента. Лишь когда тарелка его опустела, молодой герцог сделал обычное замечание:

– Только здесь умеют как следует готовить это блюдо.

– Только здесь, – отозвался мистер Одли, поворачиваясь к нему и покачивая своей почтенной головой. – Только здесь – и нигде больше. Правда, мне говорили, что в кафе «Англэ»... – Тут он был прерван и на мгновение даже озадачен исчезновением своей тарелки, принятой лакеем. Однако он успел вовремя поймать нить своих ценных мыслей. – Мне говорили, – продолжал он, – что это блюдо могли бы приготовить и в кафе «Англэ». Но не верьте этому, сэр. – Он безжалостно закачал головой, как судья, отказывающий в помиловании осужденному на смерть преступнику. – Нет, не верьте этому, сэр.

– Преувеличенная репутация, – процедил некий полковник Паунд с таким видом, словно он открыл рот впервые за несколько месяцев.

– Ну что вы! – возразил герцог Честерский, по натуре оптимист. – В некоторых отношениях это премилое местечко. Например, нельзя отказать им...

В комнату быстро вошел лакей и вдруг остановился, словно окаменев. Сделал он это совершенно бесшумно, но вялые и благодушные джентльмены привыкли к тому, что невидимая машина, обслуживавшая их и поддерживавшая их существование, работает безукоризненно, и неожиданно остановившийся лакей испугал их, словно фальшивая нота в оркестре. Они чувствовали то же, что почувствовали бы мы с вами, если бы неодушевленный мир проявил непослушание: если бы, например, стул вдруг бросился убежать от нашей руки.

Несколько секунд лакей простоял неподвижно, и каждого из присутствующих постепенно охватывала странная неловкость, типичная для нашего времени, когда повсюду твердят о гуманности, а пропасть между богатыми и бедными стала еще глубже. Настоящий родовитый аристократ, наверное, принялся бы швырять в лакея чем попало, начав с пустых бутылок и, весьма вероятно, кончив деньгами. Настоящий демократ спросил бы, какого черта он стоит тут как истукан. Но эти новейшие плутократы не могли переносить возле себя неимущего – ни как раба, ни как товарища. Тот факт, что с лакеем случилось нечто странное, был для них просто скучной и досадной помехой. Быть грубыми они не хотели, а в то же время страшились проявить хоть какую-то человечность. Они желали одного: чтобы все это поскорее кончилось. Лакей простоял неподвижно несколько секунд, словно в столбняке, вдруг повернулся и опрометью выбежал с веранды.

Вскоре он снова появился на веранде, или, вернее, в дверях, в сопровождении другого лакея, что-то шепча ему и жестикулируя с чисто итальянской живостью. Затем первый лакей снова ушел, оставив в дверях второго, и опять появился, уже с третьим. Когда и четвертый лакей присоединился к этому сборищу, мистер Одли почувствовал, что во имя такта необхо-

димо нарушить молчание. За неимением председательского молотка он громко кашлянул и сказал:

– А ведь молодой Мучер прекрасно работает в Бирме. Какая нация в мире могла бы...

Пятый лакей стрелою подлетел к нему и зашептал на ухо:

– Простите, сэр. Важное дело. Может ли хозяин поговорить с вами?

Президент растерянно повернулся и увидел мистера Левера, приближавшегося к нему своей обычной ныряющей походкой. Но лицо почтенного хозяина никто не назвал бы обычным. Всегда сияющее и медно-красное, оно окрасилось болезненной желтизной.

– Простите меня, мистер Одли, – проговорил он, задыхаясь, – случилась страшная неприятность. Скажите, ваши тарелки убрали вместе с вилками и ножами?

– Надеюсь, – несколько раздраженно протянул президент.

– Вы видели его? – продолжал хозяин. – Видели вы лакея, который убрал их? Узнали бы вы его?

– Узнать лакея? – негодуя переспросил мистер Одли. – Конечно, нет.

Мистер Левер в отчаянии развел руками.

– Я не посылал его, – простонал он. – Я не знаю, откуда и зачем он явился. А когда я послал своего лакея убрать тарелки, он увидел, что их уже нет.

Решительно, мистер Одли чересчур растерялся для человека, на которого может положиться вся империя. Да и никто другой из присутствующих не нашелся, за исключением грубоватого полковника Паунда, внезапно воспрянувшего к жизни. Он поднялся с места и, вставив в глаз монокль, проговорил сипло, словно отвык пользоваться голосом:

– Вы хотите сказать, что кто-то украл наш серебряный рыбный прибор?

Хозяин снова развел руками, и в ту же секунду все присутствующие вскочили на ноги.

– Где лакей? – низким глухим голосом спросил полковник. – Они все тут?

– Да, все, я это заметил, – воскликнул молодой герцог, протискиваясь в центр группы. – Всегда считаю их, когда вхожу. Они так забавно выстраиваются вдоль стены.

– Да, но трудно сказать с уверенностью... – в тяжелом сомнении начал было мистер Одли.

– Говорю вам, я прекрасно помню, – возбужденно повторил герцог, – здесь никогда не было больше пятнадцати лакеев, и ровно столько же было и сегодня. Ни больше ни меньше.

Хозяин повернулся к нему, дрожа всем телом.

– Вы говорите... вы говорите... – заикался он, – что видели пятнадцать лакеев?

– Как всегда, – подтвердил герцог, – что ж в этом особенного?

– Ничего, – сказал Левер, – только всех вы не могли видеть. Один из них умер и лежит наверху.

На секунду в комнате воцарилась тягостная тишина. Быть может (так сверхъестественно слово «смерть»), каждый из этих праздных людей заглянул в это мгновение в свою душу и увидел, что она маленькая, как сморщенная горошина. Кто-то, кажется герцог, сказал с идиотским состраданием богача:

– Не можем ли мы быть чем-нибудь полезны?

– У него был священник, – ответил расстроенный хозяин.

И – словно прозвучала труба Страшного суда – они подумали о таинственном посещении. Несколько весьма неприятных секунд присутствующим казалось, что пятнадцатым лакеем был призрак мертвеца. Неприятно им стало потому, что призраки были для них такой же помехой, как и нищие. Но мысль о серебре вывела их из оцепенения. Полковник отбросил ногою стул и направился к двери.

– Если здесь был пятнадцатый лакей, друзья мои, – сказал он, – значит, этот пятнадцатый и был вором. Немедленно закрыть парадный и черный ходы. Тогда мы и поговорим. Двадцать четыре жемчужины клуба стоят того, чтобы из-за них похлопотать.

Мистер Одли снова как будто заколебался, пристойно ли джентльмену проявлять торопливость. Но, видя, как герцог кинулся вниз по лестнице с энтузиазмом молодости, он последовал за ним, хотя и с большей солидностью.

В эту минуту на веранду вбежал шестой лакей и заявил, что он нашел грудку тарелок от рыбы без всяких следов серебра. Вся толпа гостей и прислуги гурьбой скатилась по лестнице и разделилась на два отряда. Большинство рыболовов последовало за хозяином в вестибюль. Полковник Паунд с президентом, вице-президентом и двумя-тремя членами клуба кинулись в коридор, который вел к лакейской, – вероятнее всего, вор бежал именно так. Проходя мимо полутемной гардеробной, они увидели в глубине ее низенькую черную фигурку, стоявшую в тени.

– Эй, послушайте, – крикнул герцог, – здесь проходил кто-нибудь?

Низенький человек не ответил прямо, но просто сказал:

– Может быть, у меня есть то, что вы ищете, джентльмены?

Они остановились, колеблясь и удивляясь, а он скрылся во мраке гардеробной и появился снова, держа в обеих руках грудку блестящего серебра, которое и выложил на прилавок спокойно, как приказчик, показывающий образцы. Серебро оказалось дюжиной ножей и вилок странной формы.

– Вы... Вы... – начал окончательно сбитый с толку полковник. Потом, освоившись с полумраком, он заметил две вещи: во-первых, низенький человек был в черной сутане и мало походил на слугу и, во-вторых, окно гардеробной было разбито, точно кто-то поспешно из него выскочил.

– Слишком ценная вещь, чтобы хранить ее в гардеробной, – заметил священник.

– Так вы... вы... значит, это вы украли серебро? – запинаясь, спросил мистер Одли, с недоумением глядя на священника.

– Если я и украл, то, видите, я его возвращаю, – вежливо ответил отец Браун.

– Но украли не вы? – заметил полковник, вглядываясь в разбитое окно.

– По правде сказать, я не крал его, – сказал священник несколько юмористическим тоном и спокойно уселся на стул.

– Но вы знаете, кто это сделал? – спросил полковник.

– Настоящего его имени я не знаю, – невозмутимо ответил священник. – Но я знаю кое-что о его силе и очень много о его душевных сомнениях. Силу его я ощутил на себе, когда он пытался меня задушить, а об его моральных качествах я узнал, когда он раскаялся.

– Скажите пожалуйста, раскаялся! – с надменным смехом воскликнул герцог Честерский.

Отец Браун поднялся и заложил руки за спину.

– Не правда ли, странно, на ваш взгляд, – сказал он, – что вор и бродяга раскаялся, тогда как много богатых людей закоснели в мирской суете и никому от них нет проку? Если вы сомневаетесь в практической пользе раскаяния, вот вам ваши ножи и вилки. Вы «Двенадцать верных рыболовов», и вот ваши серебряные рыбы. Видите, вы все же выловили их. А я – ловец человеков.

– Так вы поймали вора? – хмурясь, спросил полковник.

Отец Браун в упор посмотрел на его недовольное, суровое лицо.

– Да, я поймал его, – сказал он, – поймал невидимым крючком на невидимой леске, такой длинной, что он может уйти на край света и все же вернется, как только я потяну.

Они помолчали. Потом джентльмены удалились обратно на веранду, унося серебро и обсуждая с хозяином странное происшествие. Но суровый полковник по-прежнему сидел боком на барьере, болтая длинными ногами и покусывая кончики темных усов. Наконец он спокойно сказал священнику:

– Вор был не глупый малый, но, думается, я знаю человека поумнее.

– Он умный человек, – ответил отец Браун, – но я не знаю, кого вы считаете умнее.

– Вас, – сказал полковник и коротко рассмеялся. – Будьте спокойны, я не собираюсь сажать вора в тюрьму. Но я дал бы гору серебряных вилок за то, чтобы толком узнать, как вы то замешались во всю эту кашу и как вам удалось отнять у него серебро. Думается мне, что вы большой хитрец и проведете любого.

Священнику, по-видимому, понравилась грубоватая прямота военного.

– Конечно, полковник, – сказал он, улыбаясь, – я ничего не могу сообщить вам об этом человеке и его частных делах. Но я не вижу причин скрывать от вас внешний ход дела, насколько я сам его понял.

С неожиданной для него легкостью он перепрыгнул через барьер, сел рядом с полковником Паундом и, в свою очередь, заболтал короткими ножками, словно мальчишка на заборе. Рассказ свой он начал так непринужденно, как если бы беседовал со старым другом у рождественского камелька.

– Видите ли, полковник, – начал он, – меня заперли в той маленькой каморке, и я писал письмо, когда услышал, что пара ног отплясывает по этому коридору такой танец, какого не спляшешь и на виселице. Сперва слышались забавные мелкие шажки, словно кто-то ходил на цыпочках; за ними следовали шаги медленные, уверенные – словом, шаги солидного человека, разгуливающего с сигарой во рту. Но шагали одни и те же ноги, в этом я готов был поклясться: легко, потом тяжело, потом опять легко. Сперва я прислушивался от нечего делать, а потом чуть с ума не сошел, стараясь понять, для чего понадобилось одному человеку ходить двумя походками. Одну походку я знал, она была вроде вашей, полковник. Это была походка плотно пообедавшего человека, джентльмена, который расхаживает не потому, что взволнован, а, скорее, потому, что вообще подвижен. Другая походка казалась мне знакомой, только я никак не мог припомнить, где я ее слышал и где раньше встречал странное существо, носящееся на цыпочках подобным образом. Скоро до меня донесся стук тарелок, и ответ представился до глупости очевидным: это была походка лакея, когда, склонившись вперед, опутив глаза, загребая носками сапог, он несется подавать к столу. Затем я поразмыслил с минуту. И мне показалось, что я понял замысел преступления так же ясно, как если бы сам собирался его совершить.

Полковник внимательно посмотрел на священника, но кроткие серые глаза были безмятежно устремлены в потолок.

– Преступление, – продолжал он медленно, – то же произведение искусства. Не удивляйтесь: преступление – далеко не единственное произведение искусства, выходящее из мастерских преисподней. Но каждое подлинное произведение искусства, будь оно небесного или дьявольского происхождения, имеет одну непремennую особенность: основа его всегда проста, как бы сложно ни было выполнение. Так, например, в «Гамлете» фигуры могильщиков, цветы сумасшедшей девушки, загробное обаяние Йорика, бледность духа и усмешка черепа – все сплетено венком для мрачного человека в черном. И то, что я вам рассказываю, – добавил он, улыбаясь и медленно слезая с барьера, – тоже незамысловатая трагедия человека в черном. Да, – продолжал он, видя, что полковник смотрит на него с удивлением, – вся эта история сводится к черному костюму. В ней, как и в «Гамлете», немало всевозможных наслоений, вроде вашего клуба, например. Есть мертвый лакей, который был там, где быть не мог; есть невидимая рука, собравшая с вашего стола серебро и растаявшая в воздухе. Но каждое умно задуманное преступление основано в конце концов на чем-нибудь вполне заурядном, ничуть не загадочном. Таинственность появляется позже, чтобы увести нас в сторону по ложному следу. Сегодняшнее дело – крупное, тонко задуманное и (на взгляд заурядного вора) весьма выгодное. Оно было построено на том общеизвестном факте, что вечерний костюм джентльмена как две капли воды похож на костюм лакея, – оба носят черный фрак. Все остальное была игра, и притом удивительно тонкая.

– И все же, – заметил полковник, слезая с барьера и хмуро разглядывая свои ботинки, – все же я не вполне уверен, что понял вас.

– Полковник, – сказал отец Браун, – вы еще больше удивитесь, когда я скажу вам, что демон наглости, укравший ваши вилки, все время разгуливал у вас на глазах. Он прошел по коридору раз двадцать взад и вперед – и это при полном освещении и на виду у всех. Он не прятался по углам, где его могли бы заподозрить. Напротив, он беспрестанно двигался и, где бы он ни был, везде, казалось, находился по праву. Не спрашивайте меня, как он выглядел, потому что вы сами видели его сегодня шесть или семь раз. Вы вместе с другими высокородными господами дожидались обеда в гостиной, в конце прохода, возле самой веранды. И вот, когда он проходил среди вас, джентльменов, он был лакеем, с опущенной головой, болтающейся салфеткой и развевающимися фалдами. Он вылетал на веранду, поправлял скатерть, переставлял что-нибудь на столе и мчался обратно по направлению к конторе и лакейской. Но едва он попал в поле зрения конторского клерка и прислуги, как – и видом и манерами, с головы до ног, – становился другим человеком. Он бродил среди слуг с той рассеянной небрежностью, которую они так привыкли видеть у своих патронов. Их не должно было удивлять, что гость разгуливает по всему дому, словно зверь, снующий по клетке в зоологическом саду. Они знали: ничто так не выделяет людей высшего круга, как именно привычка расхаживать всюду, где им вздумается. Когда он пресыщался прогулкой по коридору, он поворачивал и снова проходил мимо конторы. В тени гардеробной ниши он, как по мановению жезла, разом менял свой облик и снова услужливым лакеем мчался к «Двенадцати верным рыболовам». Не пристало джентльменам обращать внимание на какого-то лакея. Как может прислуга заподозрить прогуливающегося джентльмена?.. Раз он выкинул фокус еще почище. У конторы он величественно потребовал сифон содовой воды, сказав, что хочет пить. Он добавил непринужденно, что возьмет сифон с собой. Он так и сделал – быстро и ловко пронес его среди всех вас, джентльменов, лакеем, выполняющим обычное поручение. Понятно, это не могло длиться до бесконечности, но ему ведь нужно было дожждаться лишь конца рыбной перемены. Самым опасным для него было начало обеда, когда все лакеи выстраивались в ряд, но и тут ему удалось прислониться к стене как раз за углом, так что лакеи и тут приняли его за джентльмена, а джентльмены – за лакея. Дальше все шло как по маслу. Лакей принимал его за скучающего аристократа, и наоборот. За две минуты до того, как рыбная перемена была закончена, он снова обратился в проворного слугу и быстро собрал тарелки. Посуду он оставил на полке, серебро засунул в боковой карман, отчего тот оттопырился, и, как заяц, помчался по коридору, покуда не добрался до гардеробной. Тут он снова стал джентльменом, внезапно вызванным по делу. Ему оставалось лишь сдать свой номерок гардеробщику и выйти так же непринужденно, как пришел. Только случилось так, что гардеробщиком был я.

– Что вы сделали с ним? – воскликнул полковник с необычным для него жаром. – И что он вам сказал?

– Простите, – невозмутимо ответил отец Браун, – тут мой рассказ кончается.

– И начинается самое интересное, – пробормотал Паунд. – Его профессиональные приемы я еще понимаю. Но как-то не могу понять ваши.

– Мне пора уходить, – проговорил отец Браун.

Вместе они дошли до передней, где увидели свежее веснушчатое лицо герцога Честерского, с веселым видом бежавшего искать их.

– Скорее, скорее, Паунд! – запыхавшись, кричал он. – Скорее идите к нам! Я всюду искал вас. Обед продолжается как ни в чем не бывало, и старый Одли сейчас скажет спич в честь спасенных вилок. Видите ли, мы предполагаем создать новую церемонию, чтобы увековечить это событие. Серебро снова у нас. Можете вы что-нибудь предложить?

– Ну что ж, – не без сарказма согласился полковник, оглядывая его. – Я предлагаю, чтобы отныне мы носили зеленые фраки вместо черных. Мало ли что может случиться, когда ты одет так же, как лакей.

– Глупости, – сказал герцог, – джентльмен никогда не выглядит лакеем.

– А лакей не может выглядеть джентльменом? – беззвучно смеясь, отозвался полковник Паунд. – В таком случае и ловок же ваш приятель, – сказал он, обращаясь к Брауну, – если он сумел сойти за джентльмена.

Отец Браун наглухо застегнул скромное пальто – ночь была холодная и ветреная – и взял в руки скромный зонт.

– Да, – сказал он, – должно быть, очень трудно быть джентльменом. Но, знаете ли, я не раз думал, что почти так же трудно быть лакеем.

И, промолвив «добрый вечер», он толкнул тяжелую дверь дворца наслаждений. Золотые врата тотчас же захлопнулись за ним, и он быстро зашагал по мокрым темным улицам в поисках omnibуса.

Невидимка

В холодной вечерней синеве кондитерская на углу двух крутых улиц в Кемден-тауне сверкала в темноте, как кончик раскуриваемой сигары. Вернее сказать, даже как целый фейерверк, потому что бесчисленные огни всех цветов радуги дробились в бесчисленных зеркалах и плясали на бесчисленных тортах и конфетах, сиявших позолоченными и многоцветными фантиками. Эту ослепительную витрину облепили уличные мальчишки – шоколадки были в тех блестящих золотых, красных и зеленых обертках, которые едва ли не соблазнительней самого шоколада, а громадный белоснежный свадебный торт в витрине был недоступен и заманчив, как будто весь Северный полюс превратился в громадный лакомый кус. Понятно, что столь радужные соблазны не могли не привлечь к себе всю окрестную детвору в возрасте до десяти, а то и двенадцати лет. Но эта угловая лавка не лишена была привлекательности и для кое-кого постарше: от витрины не отрывался молодой человек по крайней мере лет двадцати четырех от роду. Лавка эта была и для него ослепительным чудом, но манили его не только шоколадки, хотя, к слову сказать, их он тоже не прочь был бы отведать.

Это был рослый, крепкий юноша с рыжими волосами и решительным, но каким-то безучастным лицом. Под мышкой он держал папку с рисунками, которые запродавал по сходной цене издателям, после того как дядя (который был адмиралом) лишил его наследства за сочувствие социализму, тогда как на самом деле он выступил с докладом против этой экономической теории. Прозывался юноша Джон Тэрнбул Энгус.

Войдя наконец в лавку, он направился к двери за стойкой, через которую попал в своего рода кафе-кондитерскую, и едва приподнял шляпу, здороваясь с молоденькой официанткой. Это была смуглая, тонкая, расторопная девушка в черном платье, на лице ее играл румянец, а глаза ярко блестели; выждав сколько положено, она подошла к молодому человеку принять заказ.

Заказ, по-видимому, не изменялся день ото дня.

– Прошу вас, дайте булочку за полпенса и чашку черного кофе, – деловито попросил он. Но не успела девушка отойти, как он добавил: – И еще я прошу вашей руки.

Смуглолицая красавица бросила на него высокомерный взгляд и сказала:

– Не люблю таких шуток!

Рыжеволосый юноша с неожиданной серьезностью посмотрел на нее.

– Клянусь вам, я не шучу, – сказал он, – это так же несомненно... так же несомненно, как вот эта булочка за полпенса. Это отнюдь не дешевле булочки: за это надо расплачиваться. Это так же вредно, как булочка. От этого пищеварение расстраивается.

Смуглая красавица долго не сводила с него темных глаз, мучительно силясь его понять. Наконец на ее лице мелькнуло какое-то подобие улыбки, и она опустила на стул.

– Вам не кажется, – непринужденно рассуждал Энгус, – что поесть эти булочки, когда они стоят всего полпенса, поистине жестоко? Ведь они могли бы дорасти до пенса. Я брошу эту варварскую забаву, как только мы поженимся.

Девушка встала со стула и подошла к окну. Видно было, что она глубоко задумалась, но не испытывала к юноше никакой неприязни. А когда наконец она решительно обернулась, то с изумлением увидела, что Энгус уже опустошил витрину и раскладывает на столе свою добычу. Тут были и пирамиды конфет в ярких фантиках, и несколько блюд с бутербродами, и два графина, наполненных теми таинственными напитками – портвейном и хересом, – которые незаменимы в кондитерском деле. Старательно разместив все это, он водрузил в центре белоснежный обливной торт, служивший главным украшением витрины.

– Что это вы делаете? – спросила она.

– То, что положено, дорогая Лаура... – начал он.

– Ах, ради Бога, погодите минутку! – воскликнула она. – И не разговаривайте со мной в таком тоне. Я спрашиваю, что это такое?

– Торжественный ужин, мисс Хоуп.

– А это что? – спросила она, нетерпеливо указывая на белоснежную obsахаренную гору.

– Свадебный торт, миссис Энгус.

Девушка подошла к столу, схватила торт и отнесла на место, в витрину; затем вернулась и, изящно опершись локтями о стол, взглянула на молодого человека не без благосклонности, но с изрядной досадой.

– Вы даже не даете мне подумать, – сказала она.

– Я не так глуп, – ответил он. – У меня свои понятия о христианском смирении.

Она не сводила с него глаз, но, несмотря на улыбку, лицо ее становилось все серьезнее.

– Мистер Энгус, – спокойно произнесла она, – прежде чем вы снова приметесь за свои глупости, я должна вкратце рассказать вам о себе.

– Я польщен, – отвечал Энгус серьезно. – Но уж если так, расскажите заодно и обо мне тоже.

– Да помолчите, выслушайте меня, – сказала она. – Мне нечего стыдиться и даже сожалеть не о чем. Но что вы запоете, если узнаете, что со мной приключилась история, которая меня ничуть не трогает, но преследует, как кошмар.

– Ну, если на то пошло, – серьезно ответил он, – стало быть, надо принести торт обратно.

– Нет, вы сперва послушайте, – настаивала Лаура. – Начнем с того, что мой отец держал гостиницу под названием «Золотая рыбка» в Ладбери, а я работала за стойкой бара.

– А я-то гадаю, – ввернул он, – отчего именно в этой кондитерской царит столь благочестивый, христианский дух⁵.

– Ладбери – это сонная, захолустная, поросшая бурьяном дыра в одном из восточных графств, и «Золотую рыбку» посещали только заезжие коммивояжеры да еще – самая неприятная публика, какую только можно вообразить, хотя вы этого и вообразить не можете. Я говорю о мелких, ничтожных людишках, у которых еще хватает денег, чтобы бездельничать да околачиваться по барам или играть на скачках, причем все они одеты с вызывающей бедностью, хотя последний бедняк несравненно достойнее их всех. Но даже эти юные шалопаи редко удоставляли нас посещением, а те двое, что заходили чаще прочих, были не лучше, а хуже остальных завсегдатаев решительно во всех отношениях. У обоих водились деньги, и меня злили их вечно праздный вид и безвкусная манера одеваться. Но я все-таки жалела их: мне почему-то казалось, что они пристрастились к нашему маленькому, почти никем не посещаемому бару оттого, что каждый из них страдал физическим пороком – из тех, над которыми любит насмехаться всякая деревенщина. Это были даже не пороки, а скорее особенности. Один из них был удивительно мал ростом, почти карлик, во всяком случае, не выше любого жокея. Впрочем, с жокеем он не имел ничего общего: круглая черноволосая голова, аккуратно подстриженная борода, блестящие, зоркие, как у птицы, глаза; он позванивал деньгами в карманах, позвякивал массивной золотой цепью от часов и всегда слишком старался одеваться как джентльмен, чтобы сойти за истого джентльмена. Меж тем глупцом этого шалопая не назовешь: он был редкостный мастак на всякие пустые затеи, – например, то показывал ни с того ни с сего фокусы, то устраивал настоящий фейерверк из пятнадцати спичек, которые зажигались подряд одна от другой, то вырезал из банана танцующих человечков. Прозывался он Изидор Смайс, и я, как сейчас, вижу его маленькую чернявую физиономию: вот он подходит к стойке и мастерит из пяти сигар скачущего кенгуру.

Второй больше молчал и был попроще, но почему-то беспокоил меня куда сильнее, чем бедный малютка Смайс. Рослый, сухопарый, нос с горбинкой – я даже назвала бы его краси-

⁵ Рыба – священный знак в ранней христианской символике.

вым, хоть он и смахивал на привидение, но он был невообразимо косоглаз, ничего подобного я в жизни своей не выдывала. Бывало, как глянет, места себе не находишь, а уж куда он глядит, и вовсе не понятно. Похоже на то, что это уродство ожесточило беднягу, и, в отличие от Смайса, всегда готового выкинуть какой-нибудь трюк, Джеймс Уэлкин (так звали этого косоглазого малого) только потягивал вино в нашем баре да бродил в одиночестве по плоской, унылой округе. Думается мне, Смайс тоже страдал из-за своего маленького роста, хотя держался молодцом. И вот однажды они удивили, напугали и глубоко огорчили меня: оба чуть ли не в один день попросили моей руки.

Теперь-то я понимаю, что поступила тогда довольно глупо. Но ведь в конце концов эти пугала были в некотором роде моими друзьями, и я боялась, как бы они не догадались, что я отказываю им из-за их отталкивающего уродства. И тогда для отвода глаз я сказала, что выйду только за человека, который сам себе пробил дорогу в жизни. Такие уж у меня взгляды, сказала я, не могу жить на деньги, которые просто-напросто достались им по наследству. Я сказала это с самыми благими намерениями, а два дня спустя начались все злоключения. Сперва я узнала, что они отправились искать счастья, будто в какой-то глупой детской сказке.

И вот с тех самых пор и по сей день я не видела ни того, ни другого. Правда, я получила два письма от малютки Смайса – и письма эти были прелюбопытные.

– А о втором вы что-нибудь слышали? – спросил Энгус.

– Нет, он мне так и не написал ни разу, – ответила девушка, слегка поколебавшись. – В первом письме Смайс сообщил только, что отправился с Уэлкином пешком в Лондон, но Уэлкин оказался отличным ходоком, малыш Смайс никак не поспевал за ним и присел отдохнуть у дороги. По счастливой случайности, его подобрал бродячий цирк – и отчасти потому, что он был почти карлик, отчасти же потому, что он в самом деле был ловкий малый, ему вскоре удалось обратить на себя внимание, и его взяли в «Аквариум» показывать какие-то фокусы, не упомяну уж какие. Об этом он сообщил в первом письме. Второе оказалось еще удивительнее – я получила его на прошлой неделе.

Известный нам юноша по фамилии Энгус допил кофе и поглядел на девушку с кротким терпением. А она продолжала свой рассказ, слегка скривив губы в невеселой улыбке.

– Вы, наверное, видели на заборах крикливую рекламу: «Бессловесная прислуга фирмы “Смайс”»? Если нет, то вы, должно быть, единственный, кто ее не видел. Право, в таких делах я мало что смыслю, но это какие-то заводные машины, которые выполняют любую домашнюю работу. Ну, сами понимаете: «Нажмите кнопку – и вот вам Непьющий Дворецкий», «Поверните рычажок – и перед вами десять Благонравных Горничных». Да вы наверняка видели рекламу. Так вот, какими бы эти самые машины ни были, но это золотое дно, и огребают все шустрые малютка, которого я знала в Ладбери. Я, конечно, рада, что бедняге так повезло, но вместе с тем мне очень страшно: ведь в любую минуту он может заявиться сюда и сказать, что пробил себе дорогу, и это будет сущая правда.

– А что же второй? – со спокойной настойчивостью повторил Энгус.

Лаура Хоуп внезапно встала.

– Друг мой, – сказала она. – Кажется, вы настоящий колдун и видите меня насквозь. Что ж, ваша правда. Да, от второго я не получила ни строчки и представления не имею, где он и что с ним. Но его-то я и боюсь. Он-то и преследует меня. Он-то и сводит меня с ума. Мне даже кажется, что уже свел: он повсюду мерещится мне, хотя никак не может быть рядом, его голос слышится мне, хотя он никак не может со мной разговаривать.

– Ну, милочка, – весело сказал молодой человек. – Да будь это хоть сам Сатана, ему все равно крыть нечем, раз уж вы рассказали о нем. С ума сходят только в одиночку. А когда именно вам померещился или послышался наш косоглазый приятель?

– Я слышала смех Джеймса Уэлкина так же ясно, как слышу сейчас вас, – спокойно ответила девушка. – Именно его, потому что рядом никого не было. Я стояла на углу, у дверей

кондитерской, и могла видеть разом обе улицы. Я уже позабыла, как он смеется, хотя смех у него не менее своеобразный, чем его косоглазие. Почти год я не вспоминала о нем. И клянусь всем святым: не прошло и минуты, как я получила первое письмо от его соперника.

– А удалось вам вытянуть из этого призрака хоть слово или возглас? – полюбопытствовал Энгус.

Лаура содрогнулась, но совладала с собой и ответила спокойно:

– Да. Как только я дочитала второе письмо Изидора Смайса, где он сообщал, что добился успеха, в ту самую минуту я услышала слова Уэлкина: «Все равно вы ему не достанетесь». Он произнес это так отчетливо, словно был рядом, в комнате. Вот ужас! Наверное, я сошла с ума.

– Если бы вы в самом деле сошли с ума, – сказал молодой человек, – вы никогда не признали бы этого. Впрочем, в истории с этой невидимой личностью действительно есть нечто странное. Но одна голова – хорошо, а две – лучше, я не говорю уже о прочих частях тела, дабы пощадить вашу скромность, и, право, если вы позволите мне, человеку верному и практичному, опять принести из витрины свадебный торт...

Не успел он договорить, как с улицы донесся металлический скрежет и у дверей кондитерской резко затормозил подлетевший на бешеной скорости крохотный автомобиль. В тот же миг маленький человечек в блестящем цилиндре уже стоял на пороге и в нетерпении переминался с ноги на ногу.

До сих пор Энгус не хотел портить себе нервы и держался беспечно, но теперь ему не удалось скрыть волнения – он встал и шагнул из задней комнаты навстречу незваному гостю. Однако взгляда оказалось достаточно, чтобы оправдать худшие подозрения влюбленного. Шикарная одежда и крохотный рост, задиристо выставленная вперед борода, умные, живые глаза, холеные, дрожащие от волнения руки, – конечно же, это был тот самый человек, о котором только что говорила девушка, не кто иной, как Изидор Смайс, некогда мастеровивший игрушки из банановой кожуры и спичечных коробков, Изидор Смайс, ныне наживавший миллионы на металлических непьющих дворецких и благонравных горничных. В мгновение ока оба чутьем угадали ревность, обуревавшую каждого из них, и минуту смотрели друг на друга с той особой холодной снисходительностью, которая ярче всего выражает самый дух соперничества.

Мистер Смайс, однако, и словом не обмолвился об истинной причине их вражды, а только произнес с горячностью:

– Мисс Хоуп видела, что там прилеплено на витрине?

– На витрине? – удивленно переспросил Энгус.

– С вами мы объяснимся позже, а сейчас мне недосуг, – резко бросил коротышка-миллионер. – Здесь заварилась какая-то дурацкая каша, которую надо расхлебать.

Он ткнул полированной тростью в сторону витрины, недавно опустошенной матримониальными приготовлениями мистера Энгуса, и тот с удивлением заметил, что на стекле со стороны улицы приклеена длинная полоса бумаги, которой наверняка не было совсем недавно, когда он эту витрину созерцал. Он вышел на улицу вслед за уверенно шагавшим Смайсом и увидел, что к стеклу аккуратно прилеплена полоса гербовой бумаги в добрых полтора ярда длиной, а на ней размашистая надпись: «Если Вы выйдете за Смайса, ему не жить».

– Лаура, – сказал Энгус, просунув рыжую голову в кондитерскую, – успокойтесь, вы в здравом уме.

– Сразу видать руку этого негодяя Уэлкина, – буркнул Смайс. – Я не встречался с ним вот уже несколько лет, но он всячески мне докучает. За последние две недели он пять раз подбрасывал в мою квартиру письма с угрозами, и я даже не могу выяснить, кто же их туда приносит, разве что сам Уэлкин. Швейцар божится, что не видал никаких подозрительных личностей, и вот теперь этот тип приклеивает к витрине чуть ли не некролог, а вы сидите себе здесь в кондитерской...

– Вот именно, – скромно ввернул Энкус. – Мы сидим себе здесь в кондитерской и спокойно пьем чай. Что ж, сэр, я высоко ценю здравый смысл, с которым вы перешли прямо к сути дела. Обо всем остальном мы поговорим после. Этот тип не мог далеко уйти: когда я в последний раз глядел на витрину, а это было минут десять – пятнадцать назад, никакой бумаги там не было, смею заверить. Но догнать его нам не удастся: мы даже не знаем, в какую сторону он скрылся. Послушайтесь моего совета, мистер Смайс, и немедленно поручите это дело какому-нибудь энергичному сыщику – лучше всего частному. Я знаю одного толкового малого – на вашей машине мы доедем до его конторы минут за пять. Его фамилия Фламбо, и хотя молодость его прошла несколько бурно, теперь он безупречно честен, а голова у него просто золотая. Он живет на улице Лакнау-Мэншенс, в Хэмстеде.

– Поразительное совпадение, – сказал маленький человек, подняв черные брови. – Я живу рядом, за углом, на Гималайя-Мэншенс. Вы не откажетесь поехать со мной? Я найду к себе и соберу эти дурацкие письма от Уэлкина, а вы тем временем сбегаете за вашим другом сыщиком.

– Это очень любезно с вашей стороны, – вежливо заметил Энкус. – Что ж, чем скорее мы возьмемся за дело, тем лучше.

В порыве необычайного великодушия оба вдруг церемонно раскланялись и вскочили в быстроходный автомобильчик. Как только Смайс включил скорость и машина свернула за угол, Энкус с улыбкой взглянул на гигантский плакат фирмы «Бессловесная прислуга Смайса» – там была изображена огромная железная кукла без головы, с кастрюлей в руках, а ниже красовалась надпись: «Кухарка, которая никогда не ворчит».

– Я сам пользуюсь ими у себя дома, – сказал чернобородый человечек, усмехнувшись, – отчасти для рекламы, а отчасти и впрямь для удобства. Верьте слову, мои заводные куклы действительно растапливают камин и подают вино или расписание поездов куда проворнее, чем любой слуга из плоти и крови, с которым мне приходилось иметь дело. Нужно только не путать кнопки. Но не скрою, у этой прислуги есть свои недостатки.

– Да что вы? – сказал Энкус. – Разве они не все могут делать?

– Нет, не все, – ответил Смайс невозмутимо. – Они не могут рассказать мне, кто подбрасывает в мою квартиру эти письма.

Его автомобиль, такой же маленький и быстрый, как он сам, тоже был собственным его изобретением наравне с металлической прислугой. Даже если этот человек был ловкач, который умел делать себе рекламу, все равно сам он свято верил в свой товар. Ощущение миниатюрности и стремительности возрастало по мере того, как они мчались по крутой, застроенной белыми домами улице, преодолевая бесчисленные повороты при мертвенном, но все еще прозрачном предвечернем свете. Вскоре повороты стали еще круче и головокружительней: они возносились по спирали, как любят выражаться теперь приверженцы мистических учений. И в самом деле, машина очутилась в той возвышенной части Лондона, где улицы крутизной почти не уступают Эдинбургу и, пожалуй, могут даже соперничать с ним в красоте. Уступ вздымался над уступом, а величественный дом, куда они направлялись, высился над ними, словно египетская пирамида, позолоченная косыми лучами заката. Когда они свернули за угол и въехали на изогнутую полумесяцем улицу, известную под названием Гималайя-Мэншенс, картина изменилась так резко, словно перед ними внезапно распахнули широкое окно: многоэтажная громада господствовала над Лондоном, а там, внизу, как морские волны, горбились зеленые черепичные крыши. Напротив дома, по другую сторону вымощенной гравием и изогнутой полумесяцем дороги, виднелся кустарник, больше похожий на живую изгородь, чем на садовую ограду; а ниже блестела полоска воды – что-то вроде искусственного канала, напоминавшего оборонительный ров вокруг этой неприступной крепости. Промчавшись по дуге, автомобиль миновал разносчика с лотком, торговавшего каштанами на углу, а подальше, у другого конца дуги, Энкус смутно разглядел синеватый силуэт полисмена, прохаживавшегося

взад и вперед. Кроме них, на этой безлюдной окраине не было ни души; но Энгусу почему-то показалось, что люди эти олицетворяют собой безмятежную поэзию Лондона. И у него появилось ощущение, будто они – герои какого-то рассказа.

Автомобильчик подлетел к дому, и тотчас из распахнувшейся дверцы пулей вылетел хозяин. Первым делом он опросил рослого швейцара в сверкающих галунах и низенького дворника в жилетке, не искал ли кто его квартиру. Его заверили, что здесь не было ни души с тех пор, как он расспрашивал в последний раз; после этого вместе с несколько озадаченным Энгусом он ракетой взлетел в лифте на самый верхний этаж.

– Зайдите ненадолго, – сказал запыхавшийся Смайс. – Я хочу показать вам письма Уэлкина. А потом бегите за угол и ведите своего приятеля.

Он нажал в стене потайную кнопку, и дверь сама собой отворилась.

За дверью оказалась длинная, просторная передняя, единственной достопримечательностью которой были ряды высоких механических болванов, отдаленно напоминавших людей, – они стояли по обеим сторонам, словно манекены в портняжной мастерской. Как и у манекенов, у них не было голов; как и у манекенов, у них были непомерно могучие плечи и грудь колесом; но если не считать этого, в них было не больше человеческого, чем в любом вокзальном автомате высотой в человеческий рост. Вместо рук у них было по два больших крюка, чтоб держать подносы, а дабы они отличались друг от друга, их выкрасили в гороховый, алый или черный цвет; во всем остальном это были обыкновенные автоматы, на которые вообще долго смотреть не стоит, а в данном случае и подавно: меж двумя рядами манекенов лежало нечто поинтереснее всех механизмов в мире. Там оказался клочок белой бумаги, на котором красными чернилами было что-то нацарапано, – хитроумный изобретатель вцепился в него, едва отворилась дверь. Без единого слова он протянул листок Энгусу. Красные чернила еще не успели просохнуть. Записка гласила: «Если Вы виделись с ней сегодня, я Вас убью».

Наступило короткое молчание, потом Изидор Смайс тихо промолвил:

– Хотите, я велю подать виски? Для меня это сейчас далеко не лишнее.

– Спасибо, я предпочел бы поскорее позвать сюда Фламбо, – мрачно ответил Энгус. – Сдается мне, что дело принимает серьезный оборот. Я сейчас же иду за ним.

– Ваша правда, – сказал Смайс с восхитительной беспечностью. – Ведите его сюда.

Затворяя за собой дверь, Энгус увидел, как Смайс нажал кнопку; один из механических истуканов сдвинулся с места и заскользил по желобу в полу, держа в руках поднос с графинчиком и сифоном. Энгусу стало немного не по себе при мысли, что он оставляет маленького человечка среди неживых слуг, воскресающих, как только закрывается дверь.

Шестью ступеньками ниже площадки, на которой жил Смайс, дворник в жилете возился с каким-то ведром. Энгус задержался, чтобы взять с него слово, посулив щедрые чаевые, что тот с места не сойдет, пока Энгус не вернется вместе с сыщиком, и проследит за всяким незнакомцем, который поднимется по лестнице. Потом он сбегал вниз, приказав глядеть в оба стоявшему у подъезда швейцару, который сообщил ему, что в доме нет черного хода, а это значительно упрощает дело. Мало того: он поймал полисмена, который прохаживался тут же, и уговорил его последить за парадной дверью; наконец он задержался еще на минуту, купил на пенни каштанов и спросил у лоточника, сколько времени он здесь пробудет. Сей почтенный коммерсант в пальто с поднятым воротником сообщил, что вскоре намерен уйти, потому что вот-вот повалит снег. В самом деле, становилось все темнее, все холоднее, но Энгус пустил в ход свое красноречие и уломал продавца повременить немного.

– Грейтесь у жаровни с каштанами, – серьезно сказал он. – Можете съесть все, что у вас осталось, расходы за мой счет. Получите соверен, если дождетесь меня, а когда я вернусь, скажете, не входил ли кто-нибудь вон в тот дом, где стоит швейцар, – будь то мужчина, женщина или ребенок, все равно.

С этими словами он заспешил прочь, бросив последний взгляд на осажденную крепость.

– Ну, теперь его квартира обложена со всех сторон, – сказал он. – Не могут же все четверо оказаться сообщниками мистера Уэлкина.

Улица Лакнау-Мэншенс лежала, так сказать, в предгорьях той гряды домов, вершиной которой можно считать Гималайя-Мэншенс. Частная контора мистера Фламбо располагалась на первом этаже и во всех отношениях являла собой полную противоположность по-американски механизированной и по-гостиничному роскошной и неуютной квартире владельца «Бессловесной прислуги». Своего приятеля Фламбо Энгус нашел в помещавшемся позади приемной кабинете, пышно обставленном в стиле рококо. Кабинет украшали сабли, аркебузы, всякие восточные диковины, бутылки с итальянским вином, первобытные глиняные горшки, пушистый персидский кот и невзрачный, запыхавшийся католический священник, который в такой обстановке выглядел совсем уж нелепо.

– Это мой друг, отец Браун, – сказал Фламбо. – Я давно хотел вас познакомиться. Прекрасная сегодня погода, только для меня, южанина, немного холодновато.

– Да, похоже, что в ближайшие дни небо будет безоблачным, – отозвался Энгус, присаживаясь на восточную, всю в лиловых полосах, оттоманку.

– Нет, – тихо возразил священник, – с неба уже сыплет снег.

И в самом деле, как и предсказал продавец каштанов, за потемневшими окнами кружили первые хлопья.

– Ну ладно, – мрачно сказал Энгус, – я, к сожалению, пришел по делу, и притом по очень скверному делу. Видите ли, Фламбо, неподалеку от вас живет человек, которому позарез нужна ваша помощь. Его все время преследует и запугивает невидимый враг – негодяй, которого никто и в глаза не видел.

Тут Энгус подробно изложил историю Смайса и Уэлкина, причем начал с признания Лауры, а под конец присовокупил от себя рассказ о смеющемся привидении на углу двух безлюдных улиц и о странных словах, отчетливо прозвучавших в пустой комнате. И чем дальше, тем с бо́льшим вниманием слушал его Фламбо, а священник с безразличным видом сидел в стороне, словно его это вовсе не касалось. Когда дело дошло до записки, приклеенной к витрине, Фламбо встал, и от его широких плеч в комнате стало тесно.

– Думается мне, – сказал он, – что лучше вам досказать остальное по дороге. Пожалуй, нам не стоит терять времени.

– Прекрасно, – сказал Энгус и тоже встал. – Правда, покамест он в относительной безопасности. За единственным входом в его убежище следят четверо.

Они вышли на улицу; священник семенил за ними, как послушная собачонка. Он лишь сказал бодро, словно продолжал разговор:

– Как много намело снега.

Шагая по крутым улицам, уже запорошенным серебристым снежком, Энгус закончил свой рассказ. Когда они подошли к изогнутой полумесяцем улице, застроенной многоэтажными домиками, он уже успел опросить своих наблюдателей. Продавец каштанов – как до, так и после получения соверена – клялся всеми святыми, что не спускал глаз с двери, но никого не видел. Полисмен высказался еще определенной. Он заявил, что ему приходилось иметь дело с разными жуликами – и в шелковых цилиндрах, и в грязных лохмотьях; он стреляный воробей и знает, что не всякий подозрительный тип подозрительно выглядит; если бы кто-нибудь тут проходил, он заметил бы непременно: ведь он глядел в оба, но, видит Бог, никого здесь не было. А когда все трое подошли к швейцару в золотых галунах, который все с той же улыбкой стоял у подъезда, то услышали самый решительный ответ.

– Мне дано право спросить любого, что ему нужно в этом доме, будь то герцог или мусорщик, – сказал добродушный великан, сверкая золотыми галунами. – И клянусь, что с тех пор, как этот джентльмен ушел, спросить было решительно некого.

Тут скромнейший отец Браун, который стоял позади, застенчиво потупив взгляд, отважился спросить с кротостью:

– Стало быть, никто не проходил по этой лестнице с тех пор, как пошел снег? Он начал падать, когда все мы сидели у Фламбо.

– Никто не входил и не выходил, сэр, будьте благонадежны, – уверенно отвечал швейцар, сияя снисходительной улыбкой.

– В таком случае любопытно бы знать: а вот это откуда? – спросил священник, глядя на землю тусклыми рыбьими глазами.

Все проследили за его взглядом, и Фламбо крепко выругался, размахивая руками, как истый француз. Видно было совершенно отчетливо: по самой середине ступенек, охраняемых здоровенным швейцаром в золотых галунах, прямо меж его важно расставленных ног, тянулись по белому снегу грязновато-серые отпечатки следов.

– Вот черт! – вырвалось у Энгуса. – Невидимка!

Не вымолвив больше ни слова, он повернулся и припустил вверх по ступенькам, и Фламбо следом за ним; а отец Браун остался внизу, на заснеженной улице. Он стоял, озираясь по сторонам, как будто ответ на его вопрос уже не представлял для него решительно никакого интереса.

Фламбо хотел было сгоряча высадить дверь могучим своим плечом, но шотландец Энгус с присущим ему благоразумием обшарил стену подле двери, нащупал потайную кнопку, и дверь медленно отворилась.

Перед ними была, казалось, та же прихожая, с теми же шеренгами манекенов, с той только разницей, что в ней стало темнее, хотя кое-где мерцали запоздалые блики заката; некоторые из безголовых манекенов зачем-то были сдвинуты с места и тускло отсвечивали в сумерках. В полумраке яркость их красных и золотых торсов как-то скрадывалась, и темноватые силуэты еще более походили на человеческие. А посреди них, на том самом месте, где еще недавно валялся исписанный красными чернилами клочок бумаги, виднелось что-то похожее на красные чернила, пролитые из пузырька. Но то были не чернила.

Проявив чисто французское сочетание быстроты и практичности, Фламбо произнес одно лишь слово: «Убийство!» – ворвался в квартиру и за какие-нибудь пять минут обшарил все углы и чуланы. Но если у него была надежда найти труп, он ошибался. Изидора Смайса в квартире не было – ни живого, ни мертвого. Перевернув все вверх дном, Энгус и Фламбо снова сошлись вместе и ошалело уставились друг на друга, утирая пот.

– Друг мой, – сказал Фламбо, переходя от волнения на французский, – этот убийца не только сам невидимка, он еще ухитрился превратить в невидимку и убитого.

Энгус оглядел полутемную переднюю, заставленную манекенами, и в каком-то кельтском уголке его шотландской души шевельнулся ужас. Один из огромных манекенов стоял прямо над кровавым пятном, – быть может, Смайс подозревал его за мгновение до того, как упал мертвым. Железный крюк, торчавший из высокого плеча и заменявший руку, был слегка приподнят, и Энгус вдруг с ужасом представил себе, как бедный Смайс погибает от удара своего собственного стального детища. Бунт вещей – машины убивают своего хозяина. Но даже если так, куда они его дели?

«Сожрали?» – мелькнула у него кошмарная мысль, и ему на секунду стало дурно, когда он подумал о растерзанных останках, перемолотых и поглощенных этими безголовыми механизмами.

Нечеловеческим усилием Энгус заставил себя успокоиться.

– Ну вот, – обратился он к Фламбо, – бедняга растаял, как облачко, осталась только красная лужа на полу. Это, право же, сверхъестественно.

– Остается только одно, – сказал Фламбо, – естественно это или сверхъестественно, а я должен пойти вниз и поговорить со своим другом.

Они спустились по лестнице, миновали дворника с ведром, который еще раз клятвенно заверил, что мимо него не проходил ни один незнакомец; швейцар у подъезда и вертевшийся тут же лоточник еще раз побожились, что не спускали с этого подъезда глаз. Но когда Энгус стал искать четвертого стража и не нашел его, он спросил с некоторым беспокойством:

– А где же полисмен?

– Простите великодушно, – сказал отец Браун, – это моя вина. Только что я попросил его спуститься вниз по улице и кое-что выяснить: мне пришла в голову некая мысль.

– Ладно, только пускай он скорее возвращается, – резко сказал Энгус. – Там, наверху, не только убили, но и бесследно уничтожили этого несчастного человека.

– Каким образом? – сказал Фламбо, помолчав немного. – Провалиться мне на месте, но я убежден, что это скорее по вашему ведомству, нежели по моему. Ни один друг или враг в этот дом не входил, а Смайс исчез, словно его похитил нечистый. И если тут обошлось без вмешательства сверхъестественных сил...

Их разговор был прерван поразительным событием: из-за угла вынырнул рослый полисмен в голубой форме. Он подбежал прямо к отцу Брауну.

– Вы правы, сэр, – произнес он сдавленным голосом. – Труп мистера Смайса только что нашли в канале, возле дороги.

Энгус спросил, в ужасе схватившись за голову:

– Он что – побежал туда и утопился?

– Готов поклясться, что он не выходил из дома, – сказал полисмен, – и уж во всяком случае он не утопился, а умер от удара ножом в сердце.

– Но ведь вы стояли здесь и за это время в дом никто не входил? – сурово спросил Фламбо.

– Давайте спустимся к каналу, – предложил священник.

Когда они дошли до поворота, он вдруг воскликнул:

– Какую же я сделал глупость! Совершенно позабыл задать полисмену один важный вопрос. Любопытно знать: нашли они светло-коричневый мешок или нет?

– Какой еще светло-коричневый мешок? – изумился Энгус.

– Если окажется, что мешок иного цвета, все придется начать сызнова, – сказал отец Браун, – но если мешок светло-коричневый... что ж, тогда делу конец.

– Рад это слышать, – не скрывая иронии, буркнул Энгус. – А я-то думал, дело еще и не начиналось.

– Вы должны рассказать нам все, – со странным ребяческим простодушием произнес Фламбо.

Невольно ускоряя шаги, они шли вниз по длинной дугообразной улице. Впереди быстро шагал отец Браун, храня глубокое молчание.

Наконец он сказал с почти трогательной застенчивостью:

– Боюсь, все это покажется вам слишком прозаическим. Мы всегда начинаем с абстрактных умозаключений, а в этой истории можно исходить только из них. Вы, наверно, замечали, что люди никогда не отвечают именно на тот вопрос, который им задают? Они отвечают на тот вопрос, который услышали или ожидают услышать. Предположим, одна леди гостит в усадьбе, у другой, и спрашивает: «Кто-нибудь сейчас живет здесь?» На это хозяйка никогда не ответит: «Да, конечно, – дворецкий, три лакея, горничная», – ну и все прочее, хотя горничная может хлопотать тут же в комнате, а дворецкий стоять за ее креслом. Она ответит: «Нет, никто», имея в виду тех, кто мог бы вас интересоваться. Зато если врач во время эпидемии спросит ее: «Кто живет в вашем доме?» – она не забудет ни дворецкого, ни горничную, ни всех остальных. Так уж люди разговаривают: вам никогда не ответят на вопрос по существу, даже если отвечают сущую правду. Эти четверо честнейших людей утверждали, что ни один человек не входил в дом; но они вовсе не имели в виду, что туда и в самом деле не входил ни один человек. Они

хотели сказать – ни один из тех, кто, по их мнению, мог бы вас заинтересовать. А между тем человек и вошел в дом, и вышел, но они его не заметили.

– Так что же он, невидимка? – спросил Энгус, приподняв рыжие брови.

– Да, психологически он ухитрился стать невидимкой, – сказал отец Браун.

Через несколько минут он продолжал все тем же бесстрастным тоном, будто размышляя вслух:

– Разумеется, вы никогда не заподозрите такого человека, пока не задумаетесь о нем всерьез. На это он и рассчитывает. Но меня натолкнули на мысль о нем две-три мелкие подробности в рассказе мистера Энгуса. Во-первых, Уэлкин умел без усталости ходить пешком. А во-вторых – эта длинная лента гербовой бумаги на стекле витрины. Но самое главное – два обстоятельства, о которых упоминала девушка, – невозможно допустить, что в них заключалась правда. Не сердитесь, – поспешно добавил он, заметив, что шотландец укоризненно покачал головой, – она-то была уверена, что говорит правду. Но никто не может оставаться на улице в одиночестве за секунду до получения письма. Никто не может оставаться на улице в полном одиночестве, когда начинает читать только что полученное письмо. Кто-то, несомненно, должен стоять рядом, просто он психологически ухитрился стать невидимкой.

– А почему кто-то непременно должен был стоять рядом? – спросил Энгус.

– Так ведь не почтовый же голубь принес ей это письмо! – ответил отец Браун.

– Уж не хотите ли вы сказать, – решительно вмешался Фламбо, – что Уэлкин приносил девушке письма своего соперника?

– Да, – сказал священник, – Уэлкин приносил девушке письма своего соперника. Обязан был приносить.

– Ну, с меня довольно! – взорвался Фламбо. – Кто этот тип? Каков он собой? Как одеваются эти психологические невидимки?

– Он одет очень красиво, в красное и голубое с золотом, – быстро и точно отвечал священник. – И в этом ярком, даже кричащем костюме он заявляется сюда на глазах у четырех человек, хладнокровно убивает Смайса и вновь выходит на улицу, неся в руках труп...

– Отец Браун! – вскричал Энгус, остановившись как вкопанный. – Кто из нас сошел с ума – вы или я?

– Нет, вы не сошли с ума, – сказал отец Браун. – Просто вы не слишком наблюдательны. Вы не заметили, например, такого человека, как этот.

Он быстро сделал три шага вперед и положил руку на плечо обыкновенного почтальона, который прошмыгнул мимо них в тени деревьев.

– Почему-то никто никогда не замечает почтальонов, – задумчиво произнес он. – А ведь их обуревают те же страсти, что и всех остальных людей, а кроме того, они носят почту в просторных мешках, где легко поместится труп карлика.

Вместо того чтобы просто обернуться, почтальон отпрянул в сторону и налетел на садовую изгородь. Это был сухопарый светлородый мужчина самой заурядной наружности, но, когда он повернул к ним испуганное лицо, всех троих поразило его чудовищное косоглазие.

Фламбо вернулся к своим саблям, пурпурным коврам и персидскому коту – у него были дела. Джон Тэрнбул Энгус вернулся в кондитерскую к девушке, с которой этот беспечный молодой человек ухитрился недурно проводить время. А отец Браун долгие часы бродил под звездами по заснеженным крутым улицам с убийцей, но о чем они говорили – этого никто никогда не узнает.

Молот господень

Деревенька Боэн Бикон пристроилась на крутом откосе, и высокий церковный шпиль торчал, как верхушка скалы. У самой церкви стояла кузница, обычно пышущая огнем, вокруг нее – свалка всевозможных молотков и обрезков железа, а напротив – один на всю деревню кабак «Синий боров». На этом-то перекрестке в свинцово-серебристый рассветный час встретились два брата: один восстал ото сна, а другой еще не ложился. Преподобный и досточтимый Уилфрид Боэн был человек набожный и шел предаться молитве и созерцанию. Его старшему брату, достопочтенному полковнику Норману Боэну, было не до набожности: он сидел в смокинге на лавочке возле «Синего бора» и выпивал не то напоследок, не то для начала – это уж как на чей философский взгляд. Сам полковник в такие тонкости не вдавался.

Боэны были настоящие, древние аристократы крови, и предки их и вправду воевали в Палестине. Только не нужно думать, что рыцарями рождаются. Рыцарство – удел бедняков. Знати благородные заветы нипочем, их дело – мода. Боэны были элегантными бандитами при королеве Анне и жеманными вертопрахами при королеве Виктории. Словом, они, по примеру других знатных родов, за последние два столетия стали порослью пропойц и щеголеватых ублюдков, а был такой шепоток, что и вовсе посвихивались. И то сказать, полковник был сластолюбив не по-людски, а скорее по-волчьи: он без устали рыскал по ночам, одержимый какой-то гнусной бессонницей. У этого крупного, породистого пожилого животного были светло-желтые волосы, не тронутые сединой. Его бы назвать белокурым, с львиной осанкой; только синие глаза его запали так глубоко, что стали черными щелками. К тому же они были чересчур близко посажены. Его висячие желтые усы были очерчены косыми складками от ноздрей к подбородку: ухмылка словно врезана в лицо. Поверх смокинга он натянул светлое халатообразное пальто, а странную широкополую шляпу ярко-зеленого цвета и какого-то восточного вида сбил на затылок. Он любил красоваться в нелепых нарядах, тем более что они всегда ему шли.

Брат его, как и он, желтоволосый и хранивший аристократическую осанку, был в своем черном облачении, застегнут наглухо и свежевыбрит; в его тонком лице сквозила нервозность. Он словно бы только и жил что своей религией; но говорили о нем (особенно сектант-кузнец), что не Бог ему нужен, а старинная архитектура, потому-то он, мол, и бродит по церкви призраком, что церковь ему – все равно что брату вино и женщины, та же заразная прелесть, только что изысканная, а в общем одно и то же. Мало ли что говорили, но набожность его все-таки была неподдельная. Надо думать, что людям попросту невдомек была его тяга к уединению и молитве, странно было вечно видеть его на коленях – и не то что пред алтарем, а где-нибудь на хорах, галереях или вовсе на колокольне. Он как раз и шел в храм задним двором кузницы, но остановился и нахмурился, увидев, куда исподлобья поглядывает брат. Не на церковь, конечно, – это и думать было нечего. Стало быть, на кузницу, и хотя кузнец-пресвитеринин со своей сектантской религией был не из его паствы, все же Уилфрид Боэн слышал про его красавицу жену много разных историй и не мог пройти мимо. Он посмотрел, нет ли кого за сараем, а полковник встал и рассмеялся.

– Доброе утро, Уилфрид, – сказал он. – Народ мой спит, а я, видишь, на ногах, как и подобает помещику. Вот кузнеца хочу навестить.

Уилфрид опустил глаза и сказал:

– Кузнеца нет. Он ушел в Гринфорд.

– Знаю, – беззвучно хохотнул полковник. – Визит ко времени.

– Норман, – сказал священник, упершись взглядом в дорожный гравий, – а ты грома небесного не боишься?

– Грома? – переспросил тот. – Ты что, у нас теперь погоду предсказываешь?

– Да нет, – сказал Уилфрид, не поднимая глаз, – не погоду, а как бы тебя громом не поразило.

– Ах, прошу прощения, – сказал полковник. – Я и забыл, ты ведь у нас сказочник.

– А ты у нас, конечно, богохульник, – отрезал задетый за живое священнослужитель. – Что ж, Бога не боишься, так хоть человека остерегись.

Старший брат вежливо поднял брови.

– Какого то есть человека? – спросил он.

– На сорок миль в округе, – жестко сказал священник, – некому тягаться силой с кузнецом Барнсом. Я знаю, ты не из трусливых и за себя постоять можешь, только смотри, плохо тебе придется.

Это были отнюдь не пустые слова, и складки у рта полковника обозначились резче. Его вечная ухмылка стала угрюмой. Но он тут же снова обрел свою свирепую веселость и рассмеялся, оскалив из-под желтых усов крепкие песьи клыки.

– Ты прав, любезный Уилфрид, – беспечно сказал он, – так порадуйся же, что последний мужчина в нашем роду надел кое-какой ратный доспех.

Он снял свою нелепую шляпу, и ее круглая тулья оказалась легким стальным шлемом в зеленой обшивке, китайским, не то японским. Уилфрид узнал фамильный трофей со стены гостиной.

– Какая подвернулась, – небрежно пояснил брат. – У меня со шляпами так же, как и с женщинами.

– Сейчас кузнец в Гринфорде, – тихо сказал Уилфрид, – но вернуться может в любую минуту.

Он побрел в церковь, склонив голову и крестясь, словно отгоняя нечистого духа. Скорей бы забыть об этой мерзости в прохладном сумраке, под готическими сводами; но в то утро все шло не по-обычному, всюду что-нибудь подстерегало. В такой час церковь всегда была пуста, а тут вдруг кто-то в глубине вскочил с колен и заспешил из полутьмы на залитую светом паперть. Священник едва поверил глазам: этот ранний богомолец был деревенский идиот, племянник кузнеца, и ему явно нечего было делать в церкви, как и вообще на белом свете. Жил он без имени, с прозвищем Джо-дурачок; это был дюжий малый, сутулый и чернявый, лицо тестяное, рот вечно разинут. Он прошагал мимо священника, и по его дурацкой физиономии никак нельзя было понять, что он делал, о чем думал в церкви. В жизни его никто здесь не видел. Что у него могли быть за молитвы? Даже представить себе трудно.

Уилфрид Боэн стоял неподвижно и глядел, как идиот вышел на солнце, потом, как его беспутный брат приветствовал дурачка с издевательским дружелюбием, наконец, как полковник принялся швырять медяки в разинутый рот Джо и, кажется, в самом деле примерялся попасть.

От этой яркой уродливой картины земной глупости и грубости он обратился к молитве об очищении своей души и обновлении помыслов. Он углубился в галерею и прошел к любимому цветному витражу с белым ангелом, несущим лилии; этот витраж всегда проливал покой в его душу. Здесь перед его глазами постепенно померкло одутловатое лицо слабоумного с разинутым по-рыбьи ртом. Здесь он постепенно отвлекся от мыслей о нераскаянном брате, который метался, как зверь за решеткой, снедаемый скотской похотью.

Там его через полчаса и нашел деревенский сапожник Гиббс, наспех посланный за ним. Он быстро поднялся с колен: он знал, что Гиббс не явился бы ни с того ни с сего. Как во многих деревнях, здешний сапожник в Бога не верил и в церкви бывал не чаще дурачка Джо. Дурачок еще мог забрести невзначай, но появление сапожника сбило бы с толку любого богослова.

– В чем дело? – довольно строго спросил Уилфрид Боэн и встревоженно потянулся за шляпой.

Местный безбожник ответил на удивление уважительно, с какой-то даже смутной симпатией.

– Уж не взывайте, сэр, – сказал он хрипловатым полусшепотом, – но мы решили вас потревожить. Тут, в общем, довольно жуткое дело приключилось. Ваш, в общем, брат...

Уилфрид с хрустом стиснул руки.

– Ну, что он еще натворил? – почти выкрикнул он.

– Да как бы вам сказать, сэр, – кашлянув, произнес сапожник. – Он, в общем-то, ничего такого не сделал... и уж не сделает. Вообще-то, он мертвый. Надо бы вам туда пойти, сэр.

Уилфрид спустился следом за сапожником по короткой винтовой лестнице к боковому выходу на пригорок над улицей. Отсюда все было видно как на ладони. Человек пять-шесть стояли во дворе кузницы, почти все в черном, и среди них полицейский инспектор. Был там доктор, был пресвитер и патер из окрестной католической церкви, куда ходила жена кузнеца. Сама она, статная, золотисто-рыжая женщина, заходила от плача на лавочке, а патер ей что-то вполголоса быстро втолковывал. Посредине, возле груды молотков, простерся ничком труп в смокинге. Уилфрид с первого взгляда узнал все, вплоть до фамильных перстней на пальцах; но вместо головы был кровавый сгусток, запекшийся черно-алой звездой.

Уилфрид Боэн, не мешкая, кинулся вниз по ступенькам. Доктор был их семейным врачом, но Уилфрид не ответил на его поклон. Он еле выговорил:

– Брата убили. Что здесь было? Как ужасно, как непонятно...

Все неловко молчали, и только сапожник высказался с обычной прямотой:

– Ужасно – это да, сэр, только чего тут непонятного, все понятно.

– Что понятно? – спросил Уилфрид, и лицо его побелело.

– Куда уж яснее, – отвечал Гиббс. – На сорок миль в округе только одному под силу эдак пристукнуть человека. А почему пристукнул – опять же ясно.

– Не будем судить раньше времени, – нервно перебил его высокий чернобородый доктор. – Впрочем, что касается удара, то мистер Гиббс прав – удар поразительный. Мистер Гиббс говорит, что это только одному под силу. Я бы сказал, что это никому не под силу.

Тщедушный священник вздрогнул от суеверного ужаса.

– Не совсем понимаю, – сказал он.

– Мистер Боэн, – вполголоса сказал доктор, – извините за такое сравнение, но череп попросту раскололся, как яичная скорлупа. И осколки врезались в тело и в землю, словно шрапнель. Это удар исполина.

Он чуть помолчал, выразительно поглядел сквозь очки и добавил:

– Хотя бы лишних подозрений быть не может. Обвинять в этом преступлении меня или вас, вообще любого заурядного человека – все равно что думать, будто ребенок утащил мраморную колонну.

– А я что говорю? – поддакнул сапожник. – Я и говорю, что кто пристукнул, тот и пристукнул. А где кузнец Симеон Барнс?

– Но он же в Гринфорде, – выдавил священник.

– Если не во Франции, – буркнул сапожник.

– Нет, он и не в Гринфорде, и не во Франции, – раздался нудный голосок, и коротышка патер подошел к ним. – Собственно говоря, вон он идет сюда.

На толстенького патера, на его невзрачную физиономию и темно-русые, дурно обстриженные волосы и так-то особенно глядеть было незачем, но тут уж никто бы на него не поглядел, будь он хоть прекрасней Аполлона. Все как один повернулись и уставились на дорогу, которая вилась через поле по склону и по которой в самом деле вышагивал кузнец Симеон с молотом на плече. Был он широченный, ширококостый, темная борода клином, темный взгляд исподлобья. Он неспешно беседовал с двумя своими спутниками; веселым его вообще не видели, и сейчас он был не мрачнее обычного.

– Господи! – вырвалось у неверующего сапожника. – И с тем же самым молотом!

– Нет, – вдруг промолвил инспектор, рыжеусый человек смышленного вида, – тот самый – вон там, у церковной стены. Лежит как лежал, мы не трогали ни труп, ни молоток.

Все обернулись к церкви, а низенький патер сделал несколько шагов и, склонившись, молча оглядел оружие убийства. Это был совсем неприметный железный молоточек, только на окровавленной насадке желтел налипший клочок волос.

Потом он заговорил, и тусклый голосок его словно бы немного оживился:

– Мистер Гиббс, пожалуй, зря думает, что здесь все понятно. Вот, например, как же это такой великан схватился за этакий молоточек?

– Было бы о чем говорить, – нетерпеливо отмахнулся Гиббс. – Чего зря стоим, вон Симеон Барнс!

– Вот и подождем, – ответил коротышка. – Он как раз сюда идет. Спутников его я знаю, они из Гринфорда, люди хорошие, пришли по своим пресвитерианским делам.

В это самое время рослый кузнец обогнул собор и оказался у себя на дворе. Тут он встал как вкопанный и обронил молот. Инспектор, сохраняя должную непроницаемость, сразу шагнул к нему.

– Не спрашиваю вас, мистер Барнс, – сказал он, – известно ли вам, что здесь произошло. Вы не обязаны отвечать. Надеюсь, что неизвестно и что вы сможете это доказать. А пока что я должен, как положено, арестовать вас именем короля по обвинению в убийстве полковника Нормана Боэна.

– Не обязан ты им ничего отвечать! – в восторге от законности подхватил сапожник. – Это они обязаны доказывать. А как они докажут, что это полковник Боэн, когда у него вместо головы невеста что?

– Ну, это уж слишком, – заметил доктор священнику-коротышке. – Это уж для детективного рассказа. Я лечил полковника и знал его тело вдоль и поперек лучше, чем он сам. У него были очень изящные и весьма странные руки. Указательный и средний пальцы одинаковой длины. Да нет, конечно же, это полковник.

Он посмотрел на труп с разможенным черепом; тяжелый взгляд неподвижного кузнеца обратился туда же.

– Полковник Боэн умер, – спокойно сказал он. – Стало быть, он в аду.

– Ты, главное дело, молчи! Пусть они говорят! – выкрикивал сапожник, приплясывая от восхищения перед английской законностью. Никто так не ценит закон, как завзятый безбожник.

Кузнец бросил ему через плечо с высокомерием фанатика:

– Это вам, нечестивцам, надо юлить по-лиси, ибо ваш закон в мире сем. Господь сам хранит и сберегает верных своих, да узрите нынче воочию. – И, указав на мертвеца, добавил: – Когда этот пес умер во гресех своих?

– Выбирайте выражения, – сказал доктор.

– Я их выбираю из Библии. Когда он умер?

– Сегодня в шесть утра он был еще жив, – запинаясь, выговорил Уилфрид Боэн.

– Велика благодать Господня, – сказал кузнец. – Давайте, инспектор, забирайте меня на свою же голову. Мне-то что, меня по суду наверняка оправдают, а вот вас за такую службу наверняка не похвалят.

Степенный инспектор поглядел на кузнеца слегка озадаченно, как и все прочие, кроме чудака-священника, который все разглядывал смертоносный молоток.

– Вон там стоят двое, – веско продолжал кузнец, – два честных мастеровых из Гринфорда, да вы все их знаете. Они присягнут, что я никуда не отлучался с полуночи: у нас было собрание общины, и мы радели о спасении души всю ночь напролет. В самом Гринфорде найдется еще человек двадцать свидетелей. Был бы я язычник, мистер инспектор, я бы и глазом не моргнул

– пусть вам будет хуже. Но я христианин и обязан вас пожалеть, а потому сами решайте, когда хотите слушать моих свидетелей, – сейчас или на суде.

Инспектор, видимо, озадачился всерьез и сказал:

– Разумеется, лучше бы отвести подозрения с самого начала.

Кузнец пошел со двора тем же ровным, широким шагом и привел своих друзей, и вправду всем хорошо знакомых. Много говорить им не пришлось. Через несколько слов невиновность Симеона была так же очевидна, как и громада храма.

Воцарилось то особое молчание, которое нестерпимей всяких слов. Чтобы сказать хоть что-нибудь, Уилфрид Боэн бессмысленно заметил католическому священнику:

– Вас явно очень занимает этот молоток, отец Браун.

– Да, очень, – сказал отец Браун. – Почему он такой маленький?

Доктор вдруг дернулся к нему.

– А ведь верно! – воскликнул он. – Кто возьмет такой молоток, когда кругом столько больших?

Он понизил голос и сказал на ухо Уилфриду:

– Тот, кому большой не с руки. Мужчины вовсе не тверже и не отважнее женщин. У них всего-навсего сильнее плечи. Отчаянная женщина запросто пришибет таким молотком десять человек, а тяжелым молотом ей и жука не убить.

Уилфрид Боэн в ужасе уставился на него, а отец Браун внимательно прислушивался, склонив голову набок. Врач продолжал еще тише и еще настойчивее:

– Какой идиот выдумал, что любовника ненавидит именно обманутый муж? В девяти случаях из десяти его ненавидит сама обманщица-жена. Почему знать, как он ее предал, как оскорбил? Взгляните!

Он коротким кивком указал на скамью, где сидела пышноволосяя рыжая женщина. Теперь она подняла голову, и слезы высохли на ее миловидном лице. Она не сводила взгляда с мертвеца, и в ее глазах был какой-то неистовый блеск.

Преподобный Уилфрид Боэн провел рукой перед глазами, словно заслоняясь, а отец Браун стряхнул с рукава хлопья золы, налетевшей из кузни, и занудил на свой лад.

– Вот ведь как оно выходит, – сказал он, – что у вас, что у других врачей: пока про душу – все очень складно, а как до тела дойдет, то ни в какие ворота. Спору нет, преступница всегда хочет убить сообщника, а потерпевший – не всегда. И нет спору, что женщине больше с руки молоток, чем молот. Все так. Только она никак не могла этого сделать. Ни одной женщине на свете не удастся эдак разнести череп молотком. – Он поразмыслил и продолжал: – Кое-что покамест и вообще в расчет не принято. Мертвец-то был в железном шлеме, и шлем разлетелся как стеклышко. И это, по-вашему, сделала вон та женщина, с ее-то ручками?

Они снова погрузились в молчание. Наконец доктор проворчал:

– Может, я и ошибаюсь: возражения, в конце концов, на все найдутся. Одно, по-моему, бесспорно: только идиот схватит молоточек, когда рядом валяется молот.

Уилфрид Боэн судорожно вскинул тощие руки ко лбу и взъерошил свои жидкие светлые волосы. Потом отдернул ладони от лица и вскрикнул:

– Слово, вы мне как раз подсказали слово! – Он продолжал, кое-как одолевая волнение: – Вы сказали: «Только идиот схватит молоточек».

– Ну да, – сказал доктор. – А что?

– Это и был идиот, – проговорил настоятель собора. Чувствуя, что к нему прикованы все взгляды, он продолжал чуть ли не истерично: – Я священник, – захлебывался он, – а священнику не пристало проливать кровь... То есть я... мы не вправе отправлять людей на виселицу. Слава Богу, я вот теперь понял, кто преступник, и, слава Богу, казнь ему не грозит.

– То есть вы поняли и промолчите? – спросил доктор.

– Я не промолчу, нет; но его не повесят, – отвечал Уилфрид с какой-то блуждающей улыбкой. – Нынче утром я вошел в храм, а там молился наш дурачок, бедный Джо, он слабый от рождения. Бог знает, о чем он молился: у сумасшедших, у них ведь все наизусть, и молитвы, наверное, тоже. Помолится – и пойдет убивать. Я видел, как мой брат донимал беднягу Джо, издевался над ним.

– Так-так! – заинтересовался доктор. – Вот это уже разговор. Да, но как же вы объясните...

Уилфрид Боэн прямо трепетал – наконец-то для него все разъяснилось.

– Понимаете, понимаете, – волновался он, – ведь тогда долой все странности, обе загадки разрешаются! И маленький молоток, и страшный удар. Кузнец мог бы так ударить, но не этим же молотком. Жена взяла бы этот молоток, но где же ей так ударить? А если сумасшедший – то все понятно. Молоток он схватил, какой попался. А насчет силы... известно же, – правда, доктор? – что в припадке безумия силы удесятерятся.

– Ах, будь я проклят! – выдохнул доктор. – Да, ваша правда.

А отец Браун смотрел на Боэна долгим, пристальным взглядом, и стало заметно, как выделяются на его невзрачном лице большие круглые серые глаза. Он сказал вслед за доктором как-то особенно почтительно:

– Мистер Боэн, из всех объяснений только ваше сводит концы с концами. Потому-то я и скажу вам напрямик: оно неверное, и я это твердо знаю.

Затем чудной человек отошел в сторонку и снова стал рассматривать молоток.

– Всезнайку из себя корчит, – сердито прошептал доктор Уилфриду. – Уж эти мне католические попы: хитрющий народ!

– Нет, нет, – твердил как заведенный Боэн. – Дурачок его убил. Дурачок его убил.

Два священника и доктор стояли в стороне от служителя закона и арестованного, и когда их разговор прервался, стал слышен зычный голос кузнеца:

– Ну, вроде мы с вами договорились, мистер инспектор. Сила у меня есть, это вы верно, только и мне не под силу зашвырнуть сюда молот из Гринфорда. Молот у меня без крыльев, как же он полетит за полмили над полями да околицами?

Инспектор дружелюбно рассмеялся и сказал:

– Нет, ваше дело чистое, хотя сходится все, конечно, на редкость. Попрошу вас только оказывать всяческое содействие в отыскании человека вашего роста и вашей силы. Да чего там! Хоть поможете его задержать. Сами-то вы ни на кого не подумали?

– Подумать подумал, – сурово сказал кузнец, – только виновника-то зря ищете. – Он заметил, что кое-кто испуганно поглядел на его жену, шагнул к скамейке и положил ручищу ей на плечо. – И виновницы не ищите.

– Кого же тогда искать? – ухмыльнулся инспектор. – Не корову же – где ей с молотком управиться?

– Не из плоти была рука с этим молотком, – глухо сказал кузнец, – по вашему говоря, он сам умертвился.

Уилфрид подался к нему, и глаза его вспыхнули.

– Это как же, Барнс, – съязвил сапожник, – ты что же, думаешь, молот сам его пристукнул?

– Смейтесь и насмехайтесь, – выкрикнул кузнец, – смейтесь, священнослужители, даром что вы же по воскресеньям повествуете, как Господь сокрушил Сennaхирима. Он во всяком дому, и призрел мой дом, и поразил осквернителя на пороге его. Поразил с той самой силою, с какою Он сотрясает землю.

– Я сегодня грозил Норману громом небесным, – сдавленно проговорил Уилфрид.

– Ну, этот подследственный не в моем ведении, – усмехнулся инспектор.

– Зато вы в Его ведении, – отрезал кузнец, – не забывайте об этом, – и пошел в дом, обратив к собравшимся могучую спину.

Потрясенного Уилфрида заботливо взял под руку отец Браун.

– Уйдемте куда-нибудь с этого страшного места, мистер Боэн, – говорил он. – Покажите мне, пожалуйста, вашу церковь. Я слышал, она чуть ли не самая древняя в Англии. А мы, знаете, – он шутливо подмигнул, – интересуемся древнеангликанскими церквями.

Шуток Уилфрид не ценил и шутить не умел, но показать церковь согласился охотно: он рад был поговорить о красотах готики с человеком, понимающим в ней все-таки побольше, чем сектант-кузнец и сапожник-атеист.

– Да-да, – сказал он, – пойдемте, вот здесь.

Он повел отца Брауна к высокому боковому крыльцу, но едва тот поставил ногу на первую ступеньку, как кто-то взял его сзади за плечо. Отец Браун обернулся и оказался лицом к лицу с худым смуглым доктором, который глядел темно и подозрительно.

– Вот что, сэр, – резко сказал врач, – вид у вас такой, будто вы тут кое в чем разобрались. Вы что же, позвольте спросить, решили помалкивать про себя?

– Понимаете, доктор, – дружелюбно улыбнулся отец Браун, – есть ведь такое правило: не все знаешь – так и молчи, тем более что в нашем-то деле положено молчать, именно когда знаешь все. Но если вам кажется, что я обидел вас или не только вас своими недомолвками, то я, пожалуй, сделаю вам два очень прозрачных намека.

– Слушаю вас, – мрачно откликнулся врач.

– Во-первых, – сказал отец Браун, – это дело вполне по вашей части. Никакой мистики, сплошная наука. Кузнец не в том ошибся, что преступника настигла кара свыше, – это-то да, только уж никаким чудом здесь и не пахнет. Нет, доктор, никакого особого чуда здесь нет, разве что чудо – сам человек, его непостижимое, грешное, дерзновенное сердце. А череп-то раздробило самым естественным образом, по закону природы, ученые его на каждом шагу поминают.

Доктор пристально и хмуро глядел на него.

– Второй намек? – спросил он.

– Второй намек такой, – сказал отец Браун. – Помните: кузнец, он в чудеса-то верит, а сказок дурацких не любит – как, дескать, его молот полетит, раз он без крыльев?

– Да, – сказал доктор. – Это я помню.

– Так вот, – широко улыбнулся отец Браун, – эта дурацкая сказка ближе всего к правде. И он засеменял по ступенькам вслед за настоятелем.

Уилфрид Боэн нетерпеливо поджидал его, бледный до синевы, словно эта маленькая задержка его доконала; он сразу повел гостя в свою любимую галерею, под самый свод, в сияющую сень витража с ангелом. Маленький патер осматривал все подряд и всем неумолчно, хоть и негромко, восхищался. Он обнаружил боковой выход на винтовую лестницу, по которой Уилфрид спешил вниз к телу брата; отец Браун, однако, с обезьяньей прытью кинулся не вниз, а вверх, и вскоре его голос донесся с верхней наружной площадки.

– Идите сюда, мистер Боэн, – позвал он. – Вам хорошо подышать воздухом!

Боэн поднялся и вышел на каменную галерею, балкончик, лепившийся у стены храма. Вокруг одинокого холма расстилалась бескрайняя равнина, усеянная деревьями и фермами; лиловый лес густел на горизонте. Далеко-далеко внизу рисовался четкий квадратик двора кузни, где все еще что-то записывал инспектор и, как прибитая муха, валялся неубранный труп.

– Вроде карты мира, правда? – сказал отец Браун.

– Да, – очень серьезно согласился Боэн и кивнул.

Под ними и вокруг них готические стены рушились в пустоту, словно призывали к самоубийству. В средневековых зданиях есть такая исполинская ярость – на них отовсюду смотришь, как на круп бешено мчащейся лошади. Собор составляли древние, суровые камни,

поросшие лишайниками и облепленные птичьими гнездами. И все же внизу казалось, что стены фонтаном взмывают к небесам, а оттуда, сверху, – что они водопадом низвергаются в звенящую бездну. Два человека на башне были пленниками неимоверной готической жути: все смещено и сплющено, перспектива сдвинута, большое уменьшено, маленькое увеличено – окаменелый мир наизнанку, повисший в воздухе. Громадные каменные завитки – и мелкий рисунок крохотных ферм и лугов. Изваяния птиц и зверей, словно драконы, парящие или ползущие над полями и селами. Все было страшно и невероятно, будто они стояли между гигантских крыл парящего над землей чудища. Старая соборная церковь надвинулась на солнечную долину, как грозовая туча.

– По-моему, на такой высоте и молиться-то опасно, – сказал отец Браун. – Глядеть надо снизу вверх, а не сверху вниз.

– Вы думаете, здесь так уж опасно? – спросил Уилфрид.

– Я думаю, отсюда опасно падать – упасть ведь может не тело, а душа, – ответил маленький патер.

– Я что-то вас не очень понимаю, – пробормотал Уилфрид.

– Взять хоть того же кузнеца, – невозмутимо сказал отец Браун. – Хороший человек, жаль не христианин. Вера у него шотландская – так веровали те, кто молился на холмах и скалах и смотрел вниз, на землю, чаще, чем на небеса. А величие – дитя смирения. Большое видно с равнины, а с высоты все кажется пустяками.

– Но ведь он, он не убийца, – выговорил Бозн.

– Нет, – странным голосом сказал отец Браун, – мы знаем, что убийца не он.

Он помолчал и продолжил, светло-серые глаза его были устремлены вдаль.

– Я знал человека, – сказал он, – который сперва молился со всеми у алтаря, а потом стал подниматься все выше и молиться в одиночку – в уголках, галереях, на колокольне или у шпиля. Мир вращался, как колесо, а он стоял над миром: у него закружилась голова, и он возомнил себя Богом. Хороший он был человек, но впал в большой грех.

Уилфрид глядел в сторону, но его худые руки, вцепившиеся в парапет, стали иссиня-белыми.

– Он решил, что ему дано судить мир и карать грешников. Если б он стоял внизу, на коленях, рядом с другими – ему бы это и в голову не пришло. Но он глядел сверху – и люди казались ему насекомыми. Ползало там одно ярко-зеленое, особенно мерзкое и назойливое, да к тому же и ядовитое.

Стояла тишина, только грачи кричали у колокольни; и снова послышался голос отца Брауна:

– К вящему искушению во власти его оказался самый страшный механизм природы – сила, с бешеной быстротой притягивающая все земное к земному лону. Смотрите, вон прямо под нами расхаживает инспектор. Если я кину отсюда камешек, камешек ударит в него пулей. Если я оброну молоток... или молоточек...

Уилфрид Бозн перекинул ногу через парапет, но отец Браун оттянул его назад за воротник.

– Нет, – сказал он. – Это выход в ад.

Бозн попятился и припал к стене, в ужасе глядя на него.

– Откуда вы все это знаете? – крикнул он. – Ты дьявол?

– Я человек, – строго ответил отец Браун, – и, значит, вместилище всех дьяволов. – Он помолчал. – Я знаю, что вы сделали – вернее, догадываюсь почти обо всем. Поговорив с братом, вы разгорелись гневом – не скажу, что несправедным, – и схватили молоток, почти готовый убить его за гнусные слова. Но вы отпрянули перед убийством, сунули молоток за пазуху и бросились в церковь. Вы отчаянно молились – у окна с ангелом, потом еще выше, еще и потом

здесь – и отсюда увидели, как внизу шляпа полковника ползает зеленой тлей. В душе вашей что-то надломилось, и вы обрушили на него гром небесный.

Уилфрид прижал ко лбу дрожащую руку и тихо спросил:

– Откуда вы знаете про зеленую тлю?

По лицу отца Брауна мелькнула тень улыбки.

– Да это как-то само собой понятно, – сказал он. – Слушайте дальше. Мне все известно, но никто другой не узнает ничего, вам самому решать, я отступаюсь и сохраняю эту тайну, как тайну исповеди. Тому много причин, и лишь одна вас касается. Решайте, ибо вы еще не стали настоящим убийцей, не закоснели во зле. Вы боялись, что обвинят кузнеца, боялись, что обвинят его жену. Вы попробовали свалить все на слабоумного, зная, что ему ничто не грозит. Мое дело замечать такие проблески света в душе убийцы. Спускайтесь в деревню и поступайте как знаете; я сказал вам свое последнее слово.

Они в молчании спустились по винтовой лестнице и вышли на солнце к кузнице. Уилфрид Боэн аккуратно отодвинул засов деревянной калитки, подошел к инспектору и сказал:

– Прошу вас арестовать меня. Брата убил я.

Око Аполлона

Таинственная спутница Темзы, искрящаяся дымка, и плотная, и прозрачная сразу, светлела и сверкала все больше по мере того, как солнце поднималось над Вестминстером, а два человека шли по Вестминстерскому мосту. Один был высокий, другой – низенький, и мы, повинувшись причуде фантазии, могли бы сравнить их с гордой башней парламента и со смиренным сутулым аббатством, тем более что низкорослый был в сутане. На языке же документов высокий звался Эркюлем Фламбо, занимался частным сыском и направлялся в свою новую контору, расположенную в новом многоквартирном доме напротив аббатства; а маленький звался отцом Дж. Брауном, служил в церкви Святого Франциска Ксаверия и, причастив умирающего, прибыл из Камберуэла, чтобы посмотреть контору своего друга.

Дом, где она помещалась, был высок, словно американский небоскреб, и по-американски оснащен безотказными лифтами и телефонами. Его только что достроили, заняты были три квартиры – над Фламбо, под Фламбо и его собственная; два верхних и три нижних этажа еще пустовали. Но тот, кто смотрел впервые на свежестроенную башню, удивлялся не этому. Леса почти совсем убрали, и на голой стене, прямо над окнами Фламбо, сверкал огромный, окна в три, золоченый глаз, окруженный золотыми лучами.

– Господи, что это? – спросил отец Браун и остановился.

– А, это новая вера! – засмеялся Фламбо. – Из тех, что отпускают нам грехи, потому что мы вообще безгрешны. Что-то вроде «Христианской науки». Надо мной живет некий Калон (это он себя так называет, фамилий таких нет!). Внизу, подо мной, – две машинистки, а наверху – этот бойкий краснобай. Он, видите ли, новый жрец Аполлона, солнцу поклоняется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.